
**Уголовно-правовые аспекты назначения наказания.
Защита прав осужденных**

Материалы конференции

ББК 67.99(2)95

Книга подготовлена и издана Независимым экспертно-правовым советом при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Национального фонда поддержки демократии и Института «Открытое общество»

**Уголовно-правовые аспекты назначения наказания.
Защита прав осужденных.**

Материалы конференции
М.: Р.Валент, 2005 — 120с.

В книге представлены стенограммы выступлений на конференции «Уголовно-правовые аспекты назначения наказания. Защита прав осужденных», проведенной 7-8 апреля 2005 г в Российском государственном университете нефти и газа им. И.М. Губкина Независимым экспертно-правовым советом и Обществом попечителей пенитенциарных учреждений защиты гражданских прав человека.

- © Независимый экспертно-правовой совет, 2005
- © Художественное оформление, Мичурина В.П., 2005
- © Макет, Афанасьев А.Н., 2005

ISBN 5-93439-125-9

Уголовно-правовые аспекты назначения наказания. Защита прав осужденных

Материалы конференции
Москва, 7-8 апреля 2005 г.

**Независимый экспертно-правовой совет
Общество попечителей пенитенциарных учреждений
и защиты гражданских прав человека
Российский государственный университет
нефти и газа им. И.М. Губкина**

Р.Валент
Москва 2005

Выступления:

- Памфилова Элла Александровна** — председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 6
- Алексеева Людмила Михайловна** — член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, председатель Московской Хельсинкской группы 11
- Пашин Сергей Анатольевич** — канд. юрид. наук, проф. Института экономики, политики, права, член Независимого экспертно-правового совета 19
- Сергеева Виктория** — директор московского офиса «Международная тюремная реформа» («Пенал реформ интернейшнл») 26
- Крыжов Сергей Борисович** — Уполномоченный по правам человека Московской области 33
- Яртых Игорь Семенович** — вице-президент Федерального союза адвокатов 36
- Захарихина Ольга Васильевна** — канд. юрид. наук, научный сотрудник Федеральной службы исполнения наказаний . . . 41
- Базунов Валерий Владимирович** — сотрудник аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ 45
- Костанов Юрий Артемович** — канд. юрид. наук, член президиума Московской коллегии адвокатов, член Независимого экспертно-правового совета 49
- Сокирко Виктор** — представитель общественной организации (Общество защиты осужденных) 59
- Чикунова Лилия Мусаевна** — мать осужденного к пожизненному лишению свободы 62
- Насонов Сергей Александрович** — канд. юрид. наук, доц. Московской государственной юридической академии, член Независимого экспертно-правового совета 66
- Красиков Юрий Алексеевич** — докт. юрид. наук, проф. Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, эксперт Независимого экспертно-правового совета 80
- Матвеева Анастасия Алексеевна** — канд. юрид. наук, доц. кафедры уголовного права МГУ им. М.В. Ломоносова . 93
- Перминов Олег Георгиевич** — докт. юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина 99
- Сокольский Олег Элеозарович** — канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, член Независимого экспертно-правового совета 105
- Свердюков Николай Викторович** — канд. юрид. наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии 107
- Иншакова Мария Сергеевна** — студентка Российской правовой академии Министерства юстиции РФ 108
- Толкаченко Ольга** — студентка Российской правовой академии Министерства юстиции РФ 113

ПАМФИЛОВА Э.А.: Доброе утро, дорогие друзья.

В первую очередь мне бы хотелось выразить благодарность Маре Федоровне Поляковой, которая очень эффективно трудится в рамках нашего Совета при Президенте, за приглашение принять участие в конференции. Независимый экспертно-правовой совет, который возглавляет Мара Федоровна, — мобильная профессиональная общественная организация, и в основном на ее базе наш Совет при Президенте проводит общественную экспертизу самых спорных, одиозных законопроектов, отслеживает правоприменение уже принятых законов, где очевидно нарушаются права человека.

Проделан большой объем работы, но то, за что мы взялись, — тяжелая, неподъемная проблема. Все вы знаете, как сложно идет наша судебная реформа. И я не знаю никого, кто был бы ею доволен — все отмечают, что качество хода реформы неудовлетворительное. Доступ к правосудию усложнен, средний гражданин испытывает массу проблем и имеет массу претензий к судебной системе. Она закрыта, она корпоративна, она часто несправедлива, она несовременна, неповоротлива. Однако уже и сама власть — и это позиция Президента — тоже видит, что многое заходит в тупик. Поэтому недавно, в начале февраля, провели беспрецедентные по масштабам слушания по судебной реформе.

Поскольку мы, с одной стороны, Общественный совет при Президенте, это дает нам возможность прямого выхода на Президента, и наш статус позволяет собирать высокопоставленных чиновников всех ведомств. В частности, на тех же слушаниях по судебной реформе были ответственные представители Верховного, Конституционного и Арбитражного судов, Генпрокуратуры — все прислали высокопоставленных чиновников на уровне заместителей руководителей и уважаемых чинов этих ведомств. С другой стороны, на слушаниях была и наша экспертная общественность, лидеры правозащитных организаций, кто напрямую каждый день сталкивается с этими проблемами. И в течение двух дней шел сложный, но предметный разговор. И это не конец, это только начало большой работы.

Но есть и результаты. Мы сняли шаблонный психологический барьер — и это самое главное, сняли это неприятие, предубеждение: «Ну что там могут сказать эти общественники?.. Мы вот такие великие судьи — истина в последней инстанции, что нового могут они нам сказать... Или какие-то эксперты независимые?..» А оказалось, могут! И многое из того, что им не видно с высоты их

пьедестала, из того, во что каждый день утыкаются наши люди. И не просто сказать, а сказать предметно и профессионально.

Там прозвучала очень интересная мысль: почему мы должны обязательно говорить о судебной реформе с точки зрения узкопрофессиональной? Если есть общественная потребность, то есть и общественные критерии, есть общественная необходимость. Давайте посмотрим с этой точки зрения. Для чего, в конце концов, проводится реформа? Вы обслуживаете общество, вы — представители основной, базовой системы защиты прав человека. Вот и извольте считаться с общественным мнением.

С другой стороны, оказалось, что именно в этих ведомствах работает очень много приличных профессиональных людей, которые тоже этим озабочены. Оказалось, что по многим вопросам можно достичь согласия. И это было очень здорово. С одной стороны, мы выявили, где совпадают наши точки зрения, с другой — выявили самые больные, самые сложные, непроработанные сферы, где нет согласия, нет понимания, нет однозначного решения, что делать в таких ситуациях.

Дальше — продолжение этих слушаний. Это технология нашей работы. Мы сейчас будем проводить целую серию «круглых столов» по наиболее острым и спорным проблемам, которые возникают в ходе судебной реформы.

У нас позавчера было заседание Совета. В составе Совета очень разные и известные люди. Разные — это наш принцип, потому что общество разное, общество сложное. Не должно быть единомыслия, не должно быть большевистского подхода, что вот только так — это правильно. Мы такие разные: правые и левые, либералы и большевики — должны находить какой-то общий язык.

У нас в Совете много известных журналистов. Это и Владимир Познер, и Владимир Соловьев, и Алексей Симонов, и Виталий Третьяков, Юрий Поляков («Литературная газета»), Сергей Караганов (Совет по внешней и оборонной политике). Самые известные правозащитники. Уважаемая Людмила Михайловна Алексеева (Хельсинкская группа), «Мемориал» — Олег Орлов, Светлана Ганнушкина. Тамара Георгиевна Морщакова. Георгий Степанович Жженов. Каждый — личность. Не хочу всех перечислять. Известные люди, люди со своей точкой зрения.

И состоялся жесткий спор, разговор по одной из больных тем, о введении судов присяжных. И мы сейчас решили, что это одна из больных тем, и ее надо обсуждать. Да, плохо работают. Да, много претензий. Но это не значит, что надо возвращаться к

прежней системе. И так далее, я просто пример привела, острая проблема, мы по ней спорим, мы по ней высказываем свои точки зрения, мы формируем определенную базу для дальнейших дискуссий, на основе которых должен быть подготовлены конкретные предложения. Вы знаете, наш принцип — высокий уровень технологичности. Сначала обсуждение, дальше выработка конкретных предложений, профессионально оформленных, убедительных, аргументированных для Президента. И самая сложная, непростая задача — не только представить их, но попытаться убедить в том, что мы правы. Мы пытаемся отражать те или иные аспекты общественной потребности, а не ведомственного интереса, иногда очень узкого, может быть, очень профессиональные, но не учитывающие все другие факторы.

То, что сегодня вы собрались, — это тоже один из аспектов, который ляжет в единую логику доклада по проблемам. Все предложения, которые будут выработаны, должны быть связаны единой логикой, для того чтобы они дали импульс развитию судебной системе в полном ее объеме — современной, демократичной.

Если говорить о Совете, то наша основная задача — пытаться использовать этот прямой ресурс выхода на Президента, быть одним из эффективных каналов связи Президента с общественными организациями по самым большим проблемам, которые работают в самых острых сферах.

Сейчас значительно расширена сфера нашей деятельности. Пытаться сформировать то, что обязано сделать государство для нормального развития гражданского общества — не мешать, не строить сверху какие-то искусственные вертикали, а запускать естественные процессы развития, многообразия, если мы говорим о нормальной конкурентной среде развития гражданских инициатив, и в первую очередь по самой большой теме — сфере защиты прав человека. И, что не менее важно, поддерживать гражданские инициативы. Наша задача — пытаться делать все возможное, чтобы раскрепостить все творческие силы, которые накопились в обществе и которые, к сожалению, сейчас загнаны. Бурлят где-то, а выхода нет никакого. Сегодня общественные инициативы практически не имеют выхода наверх. Они не учитываются при принятии решений властью. К сожалению. Мы это видели.

В конце прошлого лета мы провели предметный профессиональный тщательный анализ закона о монетизации, всего пакета. И разгромили его в пух и прах. Представили Президенту. Было поручение правительству учесть, внимательно ознако-

миться. Дальше — спесь, абсолютное непонимание: «Мы сами — великие, мы все знаем».

В результате произошло то, что вы видели. И так, к сожалению, во всех сферах.

Вот сейчас мы пытаемся предотвратить дальнейшее — порочный механизм проведения реформ, когда ни в процессе обсуждения, ни при формировании решений не учитывается мнение экспертного сообщества и общественных потребностей. Не учитывается оно и при принятии решений и их внедрении. Общество не привлекается. И поэтому общество не чувствует, что это делается в его интересах, тем более что наши чиновники не умеют пропагандировать свои идеи.

Вот когда я на заседании в администрации Президента спросила: «Скажите, а кто читал в полной мере этот 700-страничный фолиант о монетизации, найдется ли человек в правительстве, который это знает? Слепой документ совершенно, потому что там отсылка к 150 с лишним законам». Я не знаю, нашлось ли там хотя бы пять человек, которые в полной мере знают этот документ.

Этот механизм во всех сферах один и тот же, к сожалению. Принятие управленческих решений и их осуществление. Мало того, что не знают предмет, что документ — сырой, неготовый, но это можно экстраполировать и на другие подготовленные документы, но они еще и не умеют его пропагандировать и объяснять людям. И это тоже очень важная проблема. Это информированность населения, допуск к информации.

И поэтому мы стараемся сформулировать наиболее острые проблемы, которые интересуют общество, выработать какие-то документы и предложения и убедить в этом власть, исходя из реальных возможностей. И удается, поскольку мы технологичны. Не буду говорить о достижениях. Но — удается. Оказалось, что именно сообщество общественных организаций довольно профессионально, оно может четко сформулировать свои интересы. И наша задача — доводить их до власти. По самым горячим проблемам.

Наша задача — все-таки отстаивать и расширять демократическое поле как оно есть, потому что мы глубоко убеждены (все мы в этом вопросе единомышленники в Совете), что нельзя обойтись без творческой конкуренции, без конкурса идей, без высвобождения творческой энергии людей и, самое главное, без их уверенности в том, что у них есть перспектива, что эта перспектива зависит, в том числе, и от них, и они могут что-то

сделать, и это будет бесполезно. Вот это, мне кажется, самое главное. Это может разбить ту пассивность, неверие и ощущение полной безысходности, которые, несмотря на победные репортажи правительственных чиновников, существуют в самой тонкой, но самой важной среде — интеллектуальной прослойке. Она стремительно истончается, наш интеллектуальный потенциал деградирует, и, к сожалению, власть почти ничего в этом направлении сейчас не делает. И мы своими скромными силами пытаемся как-то этот процесс изменить в другую сторону. Поэтому я желаю вам успеха в работе.

Казалось бы, я рассуждала о каких-то общих материях. Но на самом деле это общий принцип. Даже если по этой острой проблеме будут в единой логике приняты какие-то решения, которые лягут в основу развития нормальной, нерепрессивной уголовной системы, то у человека может появиться шанс остаться человеком, не потерять себя как личность. Если такого шанса не будет, если будет невозможно сохранить или возродить свое человеческое достоинство — значит, чего-то нам не хватает на личностном уровне в стране вообще. Это и человеческое достоинство, которое не привыкли ценить. И достоинство нации, достоинство народа, достоинство страны. Вот, если будем из этого исходить — все изменится, качественно изменится, мы перейдем от репрессивного подхода во всех сферах, от презумпции виновности во всех сферах к качественно иным подходам. Поэтому желаю вам удачи.

Хотелось бы пожелать студентам, поскольку они юристы, чтобы они в первую очередь исходили из творческого подхода. Сейчас во всех сферах нам необходимо творчество. Иначе та деградация, которую мы наблюдаем, неконкурентоспособность, то, что, к сожалению, к России стали относиться так снижительно — преодолеть будет невозможно. Если мы хотим, чтобы нашу страну уважали, чтобы нам было не стыдно в любой точке мира за то, что мы из России, наш потенциал должен развиваться.

АЛЕКСЕЕВА Л.М.: Элла Александровна рассказала о Совете, в котором и Мара Федоровна, и я работаем. И действительно, мы очень ценим этот механизм как канал в нашем обществе, может быть, самый эффективный для общения между президентской администрацией и обществом. Мы можем сколько угодно иметь претензий к власти, но вынуждены с ней общаться и вынуждены с ней работать, потому что мы живем в одной стране и иной возможности наладить жизнь в этой стране нет. А именно этим заняты правозащитники.

Когда спрашивают о том, чем занимается правозащитное движение, в чем его цели, мне очень понравился ответ одного молодого человека на одном из наших многочисленных семинаров. Из Орла молодой человек. Когда его спросили, зачем он пришел в правозащитное движение, он сказал: «Я хочу, чтобы в этой стране людям жилось лучше». Вот, я думаю, лучше не скажешь. Если говорить, почему я занимаюсь этим делом уже 40 лет — тоже для того, чтобы в этой стране людям жилось лучше. Я думаю, это общее желание участников этого движения, которое в этом году уже может отмечать свое 40-летие, потому что начало правозащитного движения относится к советским временам, к середине 60-х годов. Мы считаем своим днем рождения 5 декабря 1965 года, когда в СССР состоялась первая демонстрация под правозащитными лозунгами.

Поскольку этот семинар посвящен проблемам заключенных, то я могу сказать, что при всей широте требований правозащитного движения мы начинали с требований свободы слова, свободы печати, потому что пока люди не имеют этой свободы, они не могут между собой договориться, они — не народ, они — атомизированные индивиды, у них нет связи между собой. Но с самого начала наше движение проявляло интерес к тюрьмам поневоле. Потому что с самого начала правозащитников стали сажать. Наши товарищи оказались в заключении. И поэтому наши интересы просто вышли на эту сферу. И очень остро чувствовали все, что там происходит.

«Хроника текущих событий» — информационный бюллетень, который стали в самиздате издавать правозащитники, перепечатывая на машинке и распространяя таким образом — в этом бюллетене постоянная информация была о том, что происходит в тюрьмах. Но, правда, ограничивались политическими заключенными. Не потому, что нас не интересовали другие, а потому, что нас была горсточка. То, что называли движение, это было в основном только в Москве, в тот момент это было

несколько десятков человек. Другое дело, на самом деле их было больше, потому что людей систематически сажали, а численность сообщества не уменьшалась. Приходили новые, и опять было несколько десятков человек, и так на протяжении всех 25 лет советского периода истории нашего движения. И нас не хватало, чтобы обо всей пенитенциарной системе задуматься. Но из-за того, что политические сидели и в следственных изоляторах, а те, кто по ст. 190, они в общих тюрьмах сидели, и на этапах были с остальными заключенными, и на пересылках (хотя тюрьмы и лагеря для политических были в советское время отдельно), «Хроника» постоянно писала, конечно, прежде всего о причинах осуждения, о судах, которые и в то время (даже по советским законам, в которых были политические статьи) все равно были незаконны, я сейчас не буду объяснять почему. И о том, какие наказания существуют в местах заключения, и каковы условия содержания, а они были недостойны человеческого существа. И много писали о сопротивлении, о борьбе за свои права политзаключенных в тюрьмах и лагерях.

И, конечно, постоянно правозащитники выступали с требованиями освобождения политзаключенных. Я бы сказала, что внешне история нашего движения в советское время представляла такой дурной порочный круг: человека арестовывают, проходят суды, его товарищи выступают с протестами против арестов, против этих судов, их арестовывают, над ними совершают суды, и тогда новые выступают с протестами и т.д. И так все 25 лет.

Московская Хельсинкская группа, которой я имею честь сейчас быть председателем, это старейшая из ныне действующих правозащитных организаций, потому что у нас долго не было никаких организаций, просто дружеский круг. Но Московская Хельсинкская группа была создана в мае 1976 года, в следующем году мы будем отмечать свое 30-летие. И мы отслеживали нарушение гуманитарных статей заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и предавали гласности эти нарушения. Потому и называется Московская Хельсинкская группа.

Почему мы опирались на хельсинкские соглашения, на их гуманитарные статьи? Потому что на советскую Конституцию, советские законы опираться с требованием соблюдения прав человека, уважения к человеческому достоинству было просто невозможно. Конечно, название сохранилось как историческое, поскольку группа всемирно известная, уважаемая, и мы сохранили свое название, но сейчас мы опираемся на Конституцию

РФ, на многочисленные международные договоры в области прав человека, которые наше государство подписало, прежде всего на Европейскую конвенцию по правам и свободам человека. Московская Хельсинкская группа, с 1976 года выступавшая за соблюдение прав человека, которые были перечислены в гуманитарных статьях Хельсинкских соглашений, всего выпустила в советское время 268 документов, третий документ свой выпустила об условиях содержания заключенных. Это очень длинный, такой фундированный документ, его очень трудно было написать, потому что путем опросов узнавали, — конечно, ни к каким документам доступа не было, — и о питании заключенных, и о системе наказания, и об условиях содержания, и о возможностях общения с близкими, свиданий и т.д. Все это было освещено в этом документе.

И вот это и постоянное внимание к причинам осуждения политических заключенных в конце концов, хотя настолько нескоро, что даже трудно это назвать победой, в 1987 г. все-таки привело к победе, это уже в горбачевские времена. Было решение правительства об освобождении всех заключенных, осужденных по политическим статьям: 170-й и по 190-й статье УК. Около 3000 человек вышло тогда на свободу. Можно сказать, что потому что был уже Горбачев. Но Горбачев, когда он был избран на эту свою должность членами ЦК или Политбюро, он был секретарем Ставропольского краевого комитета партии и еще в 1986 году, находясь в Париже, на вопрос о политических заключенных заявил, что у нас в стране нет политических заключенных. А когда его спросили про Сахарова, он сказал: «Ведь он же сумасшедший». То есть это человек, который знал примерно столько же, сколько его партийные коллеги остальные. А в 1987 г. именно Горбачев инициировал освобождение всех политических заключенных, осужденных по политическим статьям. Потом там еще по статьям верующих сажали тоже, тоже узники совести были. Около 3000 человек. Этого добились именно правозащитники, потому что, как ни горько мне это говорить, но наш народ ничего не знал о политических заключенных и относился к этому довольно равнодушно. Отсутствие информации — это страшное дело, вот так же, как сейчас, наш народ равнодушно относится к тому, что уже 10 лет мы ведем войну в Чечне. Почему? Потому что люди просто не представляют себе масштабы этой трагедии и масштабов того разложения, которым чеченская война грозит нашему обществу. Но это я отвлеклась. Это советский период движения.

Но я бы хотела сказать о нынешнем. Потому что иной раз наши журналисты пишут, что в СССР было правозащитное движение, а сейчас его нет. Интересно, почему умерло правозащитное движение? Может быть, потому что у нас соблюдаются права человека в полном объеме? Каждый из сидящих в этом зале и любой живущий в этой стране скажут: конечно, нет. А раз есть спрос на это движение, то и движение есть. Движение, конечно, очень отличается от того, каким оно было в советское время. Если тогда нас было несколько десятков, и все они были сосредоточены в Москве, то сейчас сеть правозащитных организаций (именно сеть, потому что объединены друг с другом и организационно, и информационно, мы в состоянии проводить совместные акции в защиту прав человека) есть во всех 89 регионах РФ. Движение очень расширилось количественно, и географически. Но совершенно изменились его формы. Потому что хотя в советское время мы называли себя «правозащитниками», но мы не могли защищать права наших сограждан и собственные права не в состоянии были защитить, большинство из нас прошло через тюрьмы, лагеря, психбольницы. Нынешние правозащитники, как ни трудно им работать, я каждый раз им говорю, когда наших коллег мы собираем из регионов — мы счастливые люди, потому что мы сейчас, как ни трудно, но можем реально защищать права человека в нашей стране. Потому что мы работаем в правовом поле, наша Конституция и наши законы дают нам такую счастлившую возможность реально защищать права наших граждан. Другое дело, что до сих пор российская бюрократия, в значительной степени даже чисто физически, — это те же самые лица, которые работали в советское время на этих должностях, они живут по-прежнему не по законам, а по понятиям, и иной раз получается так, что мы работаем в правовом поле... Вот сидят два шахматиста. С их стороны ход, с нашей стороны ход. А приходит третий и переворачивает доску. И это до сих пор, с этим сталкиваешься часто, когда защищаешь права человека. Но, тем не менее, именно они сейчас нарушители и законов, и Конституции. А когда говорят «чиновники-государственники», а правозащитники — разрушители государства, так ничего подобного. Мы не державники, но государственники, потому что любое нормальное государство зиждется прежде всего на законе, и мы защищаем Конституцию и законы против тех чиновников, которые злостно эти законы нарушают. И основная форма работы, самая распространенная форма работы правозащитников в нашей стране — это бесплатные юри-

дические приемные, в которых наши граждане, совсем недавно получившие такие широкие права, могут узнать об этих правах и проконсультироваться, как их защищать. Потому что государство, приняв новую Конституцию, не позаботилось о том, чтобы объяснить гражданам, просветить граждан насчет того, какие у нас сейчас права и как мы можем ими пользоваться, их защищать. И вот эту нишу, не занятую государством, занимает правозащитное движение. Мы консультируем граждан и просвещаем граждан насчет того, какие у них есть права и как их защищать. Мы действуем в правовом поле. И раз так, то иной раз я слышу, особенно от молодых юристов, студентов, а что собственно делаете в этом движении вы — люди без юридического образования? Я историк по образованию. Этим должны заниматься юристы. Мы очень нуждаемся в юристах, но такую точку зрения я не приемлю. Потому что знать свои права и уметь их защищать в нормальном государстве должен каждый гражданин. И я позволю себе такое, может быть, слишком вольное для юристов, но, тем не менее, понятное с моей, неюридической, точки зрения сравнение. Вот есть суд, где судят судьи с юридическим образованием. И есть суд присяжных, где собирают по случайной выборке людей с улицы. И вот это общее понимание о суде присяжных, не только в нашей стране, а в любой, где судят присяжные, что суд присяжных и милостивее и справедливее часто суда, где судят профессиональные юристы. Потому что часто для людей буква закона заслоняет живого человека. А тут люди рассуждают не на уровне законов, а на уровне здравого смысла и присущего каждому нормальному человеку понятия о справедливости. Конечно, вердикт должен выносить судья на основании закона. Но рассудить, кто в данном случае прав, а кто виноват, это может человек на уровне здравого смысла и своего понятия о справедливости. И вот такая же история в приемных. И сначала, когда началось это движение, а оно началось сразу после принятия Конституции, то есть с 1993 года. Отдельные организации, которые были в нашей стране, стали очень быстро множиться в числе, и в них приходили не юристы. Как правило, первые правозащитники — это были люди, которые сами натерпелись от судебной системы. Например, человека несправедливо уволили с работы, или отняли у него жилье. И он, будучи энергичным человеком и не имея денег на юриста, сел и сам разобрался в законах и сам стал ходить по судам. И добился решения своего дела — решения законного и справедливого. И он пришел в такой восторг, что решил, что

ему надо и другим людям, которые в таком же положении как он, объяснять, как это делается. И вот такие люди открывали эти приемные, правдолюбцы такие стихийные. И мне рассказывали из Нижнего Новгорода, что когда они открыли свою первую приемную, их было 18 человек, они в приемный день садились в кружок, к ним приходил кто-нибудь, они все хором обсуждали и думали, как можно решить, как можно помочь. Потому что никто из них не был юристом. Но мы очень нуждаемся и будем нуждаться в юристах. Потому что конечное завершение этой работы должно быть суждение по закону.

И кроме судебных дел, приходят люди по самым разным делам. Пенсии неправильно начислили. Это несудебное дело. Но надо ходить к властям и надо разговаривать с ними, ссылаясь на статьи законов, ссылаясь на их инструкции и т.д. То есть мы очень нуждались в профессионалах, и у нас не хватало профессионалов. И вот придумали замечательный механизм привлечения в правозащитное движение профессиональных юристов, прежде всего, молодежи. Почему молодежи? Во-первых, если молодого человека привлечешь, у него еще все впереди, он дольше будет работать. А во-вторых, молодые сердца легче откликаются на несправедливость, легче переполняются желанием помочь тем, кто в этой помощи нуждается. И в Нижнем Новгороде придумали уже 7 лет назад этот механизм, теперь он по всей нашей сети распространен и все этим пользуются. Они предложили студенческую практику проводить не в прокуратуре, в судах, а в этих правозащитных бесплатных юридических приемных. Надо сказать, что когда пришли в Нижегородский университет на юридический факультет и предложили, декан очень обрадовался и сказал, что у него это головная боль была, куда девать студентов на практику. Пошлешь в прокуратуру — там говорят: отксерь два документа, принеси мне копии и сиди в углу, не мешай, потому что мне некогда, я работаю. Вот и вся практика. А здесь, когда люди приходили в приемные, их сразу сажали за стол, и к ним приходили люди за советами как к юристам. И преподаватель, который вместе со студентами приходил проводить практику, если студент затруднялся, он ему советовал, как можно дело решить, и студентам очень нравилась, и была очень полезная практика. И вот такую трехнедельную практику проходили одна за другой группы студентов. Несколько человек оставались в этих приемных, продолжали работать уже как правозащитники-волонтеры, потому что им эта работа понравилась. А потом они кончали вуз, получали дипломы и продолжали работать в наших приемных.

И я должна сейчас с гордостью сказать, что, может быть, где-нибудь есть, но я не знаю ни одной нашей приемной, в которой не было бы хотя бы одного-двух юристов с дипломами и все, благодаря этой студенческой практике.

И почему еще важно именно студентов привлекать? Сейчас Московская Хельсинкская группа проводит большой проект юридических клиник, когда уже студенты целых университетов во главе со своим преподавателем проходят юридическую практику не у себя в университете, а в приемных общественных организаций. И это очень важно не только для того, чтобы они помогли разобрать жалобы, а потому, что, к сожалению, до сих пор российских юристов учат те, кто в советское время выучились на юристов, и в значительной степени по учебникам, которые в то время были написаны. Самое главное — ментальность преподавателей, которые их учат. Они с одной стороны опытные юристы и хорошие преподаватели, а с другой стороны они проникнуты духом той юриспруденции, которая господствовала в советское время, когда юристы были призваны защищать интересы государства, а не защищать права человека, гражданина и соблюдать Конституцию и законы. И очень важна эта работа в правозащитной организации, хотя бы эпизодическая, потому что там люди проникаются духом отношения к человеку как к личности, уважительным отношением к человеческому достоинству и представлениям о том, что главная задача юриста — защищать права человека, и в споре между государством и личностью они на равных, государство не должно иметь преимуществ в данном случае. Все должно быть рассуждено по закону вне зависимости от того, что заинтересованной стороной является государство.

Конечно, эта практика привлечения студентов-юристов в правозащитные организации развивается постепенно, пока это называется только в нескольких городах, но если мы ее продолжим, то со временем она скажется всюду. Вот в Нижнем Новгороде, где они начали, хотя это город областной, он не очень большой город, они уже семь лет приглашают на практику студентов с юридического факультета, изменилась обстановка, в которой работают правозащитные организации. Если раньше люди из правозащитного центра приходили к чиновнику по делу, с которым к ним обращались граждане, он говорил — а ты кто такой, а почему бабка сама не пришла, ты ей что, родственник? Нет? А почему ты тогда сюда пришел? Иди в порядке общей очереди и вообще пускай бабка приходит. Вот какой был

ответ. А сейчас, когда они приходят, то в милиции, в суде, в прокуратуре — всюду сидят эти студенты, которые практику в этой организации проходили. И они совсем иначе разговаривают, они понимают, что такое правозащитник, чем он занимается, и совсем другие взаимоотношения, совсем другие результаты разговора. То есть, это меняет чиновничество наше, потому что юристы потом занимают очень важные должности в государственных учреждениях. Поэтому для нас это со всех точек зрения важно, чтобы к нам шли студенты-юристы и чтобы они работали в наших организациях. И когда у нас в организациях появились молодые люди с юридическими дипломами или без пяти минут с дипломами, то это и на прежних правозащитников очень благотворное влияние оказало, потому что если руководитель организации — человек, который в матери или в отцы годится этим юристам с дипломами, а сам он не юрист, то он себя не очень хорошо чувствует. И у нас каждый третий из тех, кто начинал правозащитное движение в России, теперь по вечерам закончили юридические учебные заведения и получили дипломы юристов. Второе образование. Это люди, у которых семьи, и которые имеют уже дипломы, которые тяжело живут, ведь большинство у нас работает волонтерами, это не оплачиваемая работа. И они нашли время пойти вечером учиться, чтобы стать юристами и профессионально защищать права граждан. Так вот, я говорила вам о том интересе, которое у правозащитного сообщества есть в привлечении юристов.

Но это не только в интересах правозащитного сообщества, это в интересах всего нашего народа, потому что если у нас граждане научатся защищать свои права, если будет, куда обратиться вне зависимости от материальных возможностей за защитой своих прав, эти права будут защищены квалифицированно, то во всей нашей стране жить будет лучше. А это важно и для тех, кто сейчас живет, и для наших потомков. Поэтому я горячо приветствую приход студентов-юристов в правозащитные организации.

ПАШИН С.А.: Действительно, сегодня важный день, значимый день, светлый день. Сегодня Благовещение, так что уместно поговорить о милости и правде, которые должны были бы царствовать в судах, чего хотело передовое русское общество и чего хотел государь-освободитель Александр II. Но правда и милость, которые должны царствовать при назначении наказания, конечно, означают, как писал апостол Павел, что к узникам надо относиться так, будто бы и мы сами были в узилище. Но поскольку мы юристы, то вероятно, уместно (технологи еще, мы должны быть технологичными), то, наверное, уместно говорить о юридических технологиях этой самой правды, этой самой милости.

Тема моего выступления связана с действием уголовного и уголовно-процессуального закона во времени. И касается она людей, осужденных к пожизненному лишению свободы. Если быть технологичными, то юриспруденция представляет собой работу в мире виртуальной реальности. Пожалуй, только у нас, юристов, покойники воскресают, мертвецы имеют право распоряжаться своим имуществом, раб за секунду до смерти становится свободным, и время течет вспять — то оно пресекается, то сроки начинают течь заново, то они приостанавливаются, а то имеют обратную силу. И все каким-то странным образом изменяется вопреки законам ньютоновской механики и того времени, которое представляется нам вектором, направленным в будущее. Так вот, особенность нашей виртуальной реальности состоит, по-моему, в том, что, будучи виртуальной, она сказывается на вполне конкретных шкурах вполне конкретных людей.

Я подобрал для рассмотрения проблем, связанных с этим, один пример. Это история молодого человека, в то время — молодого человека, Олега Викторовича Филатова, который был осужден в Удмуртии за совершение нескольких тяжчайших преступлений. Самое тяжкое обвинение — это убийство трех человек.

История эта разразилась 16 сентября 1991 года. В тире одного из учебных заведений, а именно Ижевского механического института, было обнаружено три человека, убитых с помощью огнестрельного оружия. С 24 октября 1991 года Филатов находится под стражей вначале как подозреваемый, потом как обвиняемый, а потом в качестве осужденного за совершение этих тяжких преступлений.

Логика обвинителей и судей не кажется разумной, хотя не об этом сегодня речь. Вот, например, есть очень много несоответствий и несообразностей, связанных с этим делом. Одно из этих

несоответствий таково. Начальник тира полковник Соковнин был убит несколькими выстрелами в голову. Но раневые каналы идут параллельно. Это означает, что стреляли из автоматического оружия, скорее всего. Однако за неимением лучшего, за неимением этого самого автоматического оружия Филатову вменили использование пистолета Марголина, неисправного, который не мог стрелять автоматически, а стрелял таким образом, что надо было вложить патрон, передернуть затвор, выстрелить, потом повторить эту операцию. Гильза извлекалась принудительно, т.е. сама по себе она не вылетала, надо было снова передернуть затвор, снова вложить патрон и т.д. Получалось, что полковник ожидал, пока преступник выстрелит второй и третий раз. Таким образом, сама справедливость приговора вызывает серьезные сомнения по этому и по многим другим основаниям.

Но приговор состоялся. 5 ноября 1993 года Филатов был осужден Верховным судом Удмуртии к смертной казни с конфискацией имущества, и далее около года развивалась подготовка, назначение судебного заседания в кассационной инстанции. В этот момент случилась важная вещь: 12 декабря 1993 года появилась Конституция Российской Федерации, а Филатов все сидит, а документы для кассационной инстанции все готовятся, и в этой Конституции появилась 20-я статья, где сказано, что никто не может быть приговорен к смертной казни иначе как с предоставлением права на суд присяжных и только за преступления особой тяжести против личности.

5 октября 1994 года Верховный суд Российской Федерации заседает в качестве кассационного состава, приговор, по сути, остается в силе с некоторыми изменениями, риторика из него исключена. Там в приговоре судья так распалился, что написал, что Филатов хладнокровно, не дрогнув, расстрелял троих человек. Вот это исключили из приговора. Ну а дальше Филатов, помещенный в камеру смертников после вступления приговора в законную силу, и его адвокат стали обращаться в разные инстанции.

Надзорная инстанция не отреагировала на его обращение, но зато состоялось разбирательство в Конституционном суде. И вот что интересно. Разбирательство было назначено на 2 февраля 1999 года. А 21 декабря предыдущего года, то есть буквально за два месяца, даже меньше чем за два месяца, Филатов-то был помилован, и смертная казнь заменена пожизненным заключением.

2 февраля 1999 года Конституционный суд принял решение, что законодатель имел достаточно времени, чтобы реализовать

20-ю статью Конституции. Это значит, что пора иметь суд присяжных не в 9 регионах (а в то время суд присяжных был только в 9 регионах, в Удмуртии его не было), а пора ввести суд присяжных повсеместно. «Федеральному собранию надлежит незамедлительно внести в законодательство изменения, обеспечивающие на всей территории РФ реализацию права обвиняемого, которому грозит смертная казнь, на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей», — постановил Конституционный суд. Поскольку Конституционный суд не установил, а что значит «незамедлительно», законодатель вводил суд присяжных повсеместно, а точнее говоря, еще в 80 субъектах Российской Федерации, в 80 судах еще на протяжении пяти лет, и так и не ввел, поскольку Чеченская Республика остается без суда присяжных. Зато Конституционный суд запретил расстреливать, причем не только в судах, где нет присяжных, но и в судах присяжных тоже, исходя из принципа равенства. Филатов получил право на пересмотр его приговора. «Уголовное дело гражданина Филатова подлежит пересмотру в установленном порядке», — сказал Конституционный суд. И еще. Конституционный суд записал такие странные двусмысленные формулировки (или однозначные, но толкуются они двусмысленно), что положения закона не могут более служить основанием для отказа обвиняемому в удовлетворении ходатайства о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей. Таким образом, Конституционный суд подтвердил право на суд присяжных, но оставил реализацию этого права на усмотрение законодателя. И конкретных сроков не установил. Раз Филатов получил право на пересмотр его приговора, то надо пересматривать.

29 сентября 1999 года президиум Верховного суда, надзорная инстанция, собрался пересматривать приговор Верховного суда Удмуртии. Президиум Верховного суда сделал интересный ход. По закону, действовавшему в то время, да и сейчас отчасти, в свете разъяснений пленума Верховного суда, Президиум должен был рассмотреть дело в ревизионном порядке. То есть проверить не только то, что постановил Конституционный Суд, но проверить дело и по существу. Этого сделано не было. Первый заместитель председателя Верховного Суда Радченко внес протест, фактической стороны не касались, и дело было разрешено в течение нескольких минут. Верховный суд констатировал, что раз Филатову сохранена жизнь и Конституционный суд об этом не знал, то никакого пересмотра приговора и изменения наказания не будет.

Филатов до сих пор пребывает в состоянии человека, приговоренного к пожизненному заключению в порядке акта милосердия президента. Когда его брали под стражу в 1991 году, у него была грудная дочка. Она только что родилась, и ей было три месяца. Сейчас она сильно выросла, потому что прошло больше 13 лет. Человек этот продолжает пребывать под стражей.

Дальше давайте посмотрим, а как должен действовать закон во времени в этой ситуации?

Итак, гражданин приговорен к смертной казни. Конституционный Суд приходит к выводу, что он не может быть приговорен к смертной казни: смертная казнь не могла быть назначена, потому что нет права на суд присяжных в Удмуртии, да и не везде есть право на суд присяжных в России. А что это означает? По статье 102-й, которая действовала в то время, старого УК гражданин мог быть приговорен за это преступление к лишению свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или же к смертной казни. Смертная казнь не подлежит применению, значит, максимальное наказание — 15 лет? Как бы не так. Верховный суд считает, что раз Президент проявил милосердие и смягчил смертную казнь, которая, впрочем, не может применяться в данном случае, то пусть Филатов находится под стражей пожизненно. Вот в этой ситуации все и продолжается.

Интересно, что в 1994 году Верховный суд поступил по-другому. Это была история человека, следователя прокуратуры, который обвинялся в получении взятки. Он был осужден к смертной казни, находился в камере смертников, а потом законом от 5 декабря 1991 года статью о взятке смягчили, то есть убрали из нее смертную казнь. После этого, после вмешательства Администрации Президента, председатель Верховного суда внес протест, и наказание в виде смертной казни (а потом оно было заменено Президентом на пожизненное заключение), раз оно не могло быть применено вследствие правила о действии уголовного закона во времени, смягчили до 15 лет, сочтя, что в этой ситуации, когда смертной казни нет, милосердие Президента в виде пожизненного заключения совсем не милосердие, а нарушение прав осужденного. Этот следователь Кузнецов выиграл, потому что к этому времени он уже отсидел более 8 лет лишения свободы, провел в колонии и получил право на условно досрочное освобождение. В 1995 году он был условно освобожден.

Вот этот прецедент почему-то не распространен на Филатова и многих ему подобных, которые продолжают отбывать по-

жизненное заключение вместо смертной казни, которая, впрочем, им и не может быть назначена.

И вот тут мы можем разобраться в технологиях. Верховный суд заменил, в сущности, одно слово. Верховный суд обсуждал наказание, которое назначено, наказание, которое реально применяется. А надо было обсуждать наказание, которое в принципе может быть назначено. Так вот то обстоятельство, что жизнь сохранена, не означает, что ее можно было отнять.

Конституционный суд говорит о том, что мера наказания исключительная не может назначаться, а не только не может применяться реально. Таким образом, смертной казни до введения суда присяжных в Чеченской Республике положен предел уже в приговорах, а не только в расстрельных камерах.

Вот это серьезнейшая проблема, с моей точки зрения, — это вопрос о том, как толкуются законы и правила о действии законов во времени.

Кроме этого, возникает еще одна важная проблема, связанная с тем, а может ли гражданин, которому дело уже пересмотрел Президиум (если считать это пересмотром) Верховного суда, обращаться с повторными жалобами. С точки зрения Конституционного суда может. И по этому поводу Конституционный суд в целом ряде решений в 1996 г., в 2002 г. записал: «Конституция РФ предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством может признаваться окончательным». Таким образом, Конституционный суд позволяет гражданину жаловаться неограниченно.

Новый УПК наоборот говорит, что внесение повторных жалоб недопустимо. Здесь есть толкования. Судья по толкованию УПК, внесение повторных жалоб судье, который решает, пропустить ли эту жалобу в президиум, не ограничено. А вот, если состоялось решение Президиума, то по УПК, видимо, этот отказ окончателен.

Но с точки зрения наших международных обязательств, Конституции и позиции Конституционного суда, это не так. То есть граждане могут жаловаться неограниченное количество раз, потому что, как объясняет Конституционный суд, подчиниться незаконному и необоснованному приговору, значит, унижить свое достоинство и честь. А по Конституции ничто не может служить основанием для умаления чести и достоинства. Таким образом, мы столкнулись с ситуацией, когда благодаря очень своеобразному, очень технологичному толкованию зако-

на Верховным судом многие люди (включая того же Олега Викторовича Филатова), осужденные, а точнее, помилованные на пожизненное заключение, отбывают его незаконно. Потому что максимальное наказание, которое может быть назначено с учетом позиции Конституционного суда, это 15 лет. Соответственно, возникают и другие вопросы, связанные с работой Конституционного суда. И возможно, то, что я скажу, будет последним вопросом, который возникает в этой связи. Это важный вопрос.

Ведь как устроено законодательство о Конституционном суде 1994 года? Оно запрещает распространять, то есть не предусмотрено в отличие от закона 1991 года право Конституционного суда распространять свое решение на прошлое время, вглубь на три года. Это означает юридически, что Филатов и те два человека, дела которых рассматривались в Конституционном суде, имеют право на пересмотр решения. Но десятки людей, которые не подавали жалобы в Конституционный суд, дела которых рассматривались в те же годы, что и дело Филатова, такого права не имеют. И эта ситуация с Конституционным судом происходит постоянно.

Вот, например, Конституционный суд в свое время принял правильное решение о том, что, если человек был осужден, он не может при отсутствии в течение шести месяцев быть вычеркнут из жильцов и членов семьи, которые имеют право проживать в данной квартире. А раньше было просто — человек осуждался и, если срок наказания свыше шести месяцев, то его просто вычеркивали и все, он терял право на жилплощадь. Соответственно, терял право и на регистрацию, скажем, в городе Москве или Петербурге.

Но это правило оказалось распространенным на тех, кто жаловался, на тех, кто был осужден впоследствии, но никак не на тех, кто находился в той же ситуации ранее решения Конституционного суда. Но если Конституционный суд говорит о конституционности законов, то был ли закон, который лишал человека определенного права, конституционным? В зависимости от того, что решил Конституционный суд, или вне зависимости? В зависимости от того, что человек пожаловался, или все равно он был неконституционным? Я склонен думать, что закон был неконституционным с самого начала. И то, что человек пожаловался, не делает его более или менее конституционным. И если закон действовал до решения Конституционного суда, он не может считаться неконституционным только на будущее время. Он и раньше был неконституционным.

31 октября 1995 года Верховный суд принял решение, связанное с непосредственным действием Конституции. А Конституция у нас по Конституции действует непосредственно, то есть, должна применяться судами. Я склонен думать, что судебная практика могла бы пойти по пути пересмотра решений, основанных на законе, признанном неконституционным. Причем не только решений, которые воспоследовали, а и тех решений, которые были приняты на основании неконституционного закона в прошлое время.

В заключение я бы сказал следующую банальную мысль. Мы вот говорим «диктатура закона», «жить надо по закону», «применять надо закон...». Но если бы законы применялись сами по себе, то судьи были бы не нужны. Американцы совершенно справедливо говорят, что закон — это то, что говорят о нем судьи. И понятное дело, что раз в год в США выпускается огромный том, который называется «Современное понимание Конституции». Конституция действует потому, что ее творчески применяют судьи. Причем сегодня не обязательно также как вчера. Поэтому Конституцию не надо шить как мундир на очередного начальника. Так вот, Конституция и судебная практика не таковы, как написано буквами на бумаге. В случае если есть сомнение, то, как я понимаю, судья или тот, кто за ним стоит, применяет решение, соответствующее его правопониманию. А что это за правопонимание, это специальный вопрос.

В деле Филатова и в деле многих других людей целью, которая продемонстрирована в судебском правопонимании, является оставить этих людей наказанными как можно жестче. Вопреки решению Конституционного суда, здравому смыслу, милости и правде, апостолу Павлу и Благовещенью.

Может быть, это правопонимание могло бы быть заменено другим правопониманием? Когда правда и милость царствуют в судах, тем более что прецеденты, по недосмотру, вроде дела следователя Кузнецова имеют место быть? Но вопрос о том, каким правопониманием будут руководствоваться судьи, это не вопрос закона, это не вопрос слов, записанных на бумаге. Это — вопрос политический. В зависимости от той политики, которую будет угодно проводить силам, будь то власть или гражданское общество, видимо, правопонимание судьи будет меняться и истолкование закона будет различным. Поэтому нам остается только уповать на великолепный Совет под руководством Эллы Александровны Памфиловой, который удачно сочетает в себе вхожесть к власти и заботу о гражданском обществе.

СЕРГЕЕВА В. (публикуется представленный автором письменный текст):

Мир вокруг нас

В сентябре 1998 заключенный Энтони Портер, приговоренный к смертной казни, узнал, что через 48 часов его приговор будет приведен в исполнение. Энтони находился в камере смертника уже очень давно и никто, даже его адвокат, не сомневались, что он виновен. Поэтому когда Верховный Суд штата Иллинойс отложил исполнение приговора еще раз, Энтони подумал, что лучше бы его казнили сейчас. Он ни во что не верил, он устал доказывать, что он не виновен, у него не было союзников, у него просто не было больше сил. Задержка с исполнением приговора объяснялась тем, что четверо студентов Северо-Западного Университета, обучавшиеся на факультете юриспруденции, решили еще раз расследовать данный случай. Они получили разрешение Верховного Суда и принялись за дело. Очень скоро студенты обнаружили некоторые важные моменты, на которые не обратил внимания суд, свидетельствующие, что преступление было совершено другим человеком. Расследование продолжалось полгода. За это время другой человек сознался в совершении этого преступления и в феврале 1999 года Энтони Портер был признан невиновным и освобожден. Он провел в камере смертника 17 лет!

Факты вынесения ошибочных приговоров не являются уникальными только для штата Иллинойс. За последние 20 лет более чем 100 человек в 24 штатах США были освобождены, благодаря новым доказательствам, подтверждающим их невиновность. Это примерно каждый из семи казненных. Никто не знает, сколько на самом деле невиновных людей были лишены жизни за все это время. По данным американской организации «За равное правосудие», по крайней мере, 16 человек были казнены, несмотря на недостаточное количество доказательств их виновности. В большинстве этих случаев обвинительные приговоры были вынесены в результате неправомерных действий со стороны прокуратуры или полиции, принятия судом сомнительных свидетельских показаний, улик или признаний, а также недостаточного профессионализма защитников.

В законодательстве 38 из 50 штатов США предусмотрена высшая мера наказания. Кроме того, смертная казнь также предусмотрена в гражданском и военном федеральном законодатель-

стве США. В настоящее время около 4000 человек ожидают исполнения смертного приговора.

Согласно международному праву, назначение смертной казни лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18 лет, запрещено. Однако некоторые страны продолжают выносить смертные приговоры детям. Еще месяц назад США были единственной страной в мире, которая открыто признавала, что казнит несовершеннолетних, утверждая при этом, что действует в рамках международного права. И вот наконец 1 марта этого года Верховный суд США принял решение, согласно которому исполнение наказания в виде смертной казни в отношении несовершеннолетних признается антиконституционным. Это решение Верховного суда распространяется на все штаты. Судьи признают, что смертная казнь в отношении несовершеннолетних была жестоким наказанием. Серьезную роль в принятии такого решения сыграло также мировое общественное мнение, выступающее против смертной казни для людей, не достигших 18 лет.

В Китае, в 1997 году вступили в силу поправки в уголовное законодательство, запрещающие применение смертной казни в отношении несовершеннолетних. Однако есть сведения, что казни малолетних правонарушителей продолжают, поскольку суды не утруждают себя установлением точного возраста подсудимого.

Несмотря на закон о ювенальной юстиции, вступивший в действие в Пакистане в 2000 году, несовершеннолетних продолжают казнить, поскольку действие данного закона не распространяется на северные и западные территории страны, где традиционно живут некоторые племена.

В декабре 2003 года в Иране был принят законопроект, запрещающий применение смертной казни в отношении лиц моложе 18 лет, но закон еще не вступил в силу, так как необходимо его одобрение высшим законодательным органом страны.

Утверждение, что смертная казнь не должна использоваться в отношении несовершеннолетних, основано на том, что в силу своих возрастных, психических и эмоциональных особенностей, малолетний преступник не в состоянии полностью осознать свои поступки. Поэтому он не может подвергаться таким же наказаниям как взрослый. Кроме того, подростки наиболее подвержены изменениям и имеют больше шансов на реабилитацию. Смертная казнь в отношении несовершеннолетних в корне противоречит принципу предоставления малолетнему

преступнику максимальных шансов на возвращение, рано или поздно, в общество.

Бытует мнение, что наличие в государстве смертной казни является фактором, сдерживающим уровень преступности. В результате многочисленных научных исследований, проводившихся в различных странах мира в разное время, никому не удалось собрать убедительных доказательств того, что смертная казнь влияет на снижение уровня преступности сильнее, чем другие виды наказания. Ни в одной из стран, отменивших смертную казнь, исследователи не находят признаков, указывающих на негативные последствия отмены этого вида наказания. Например, в Канаде число убийств на 100 тысяч населения составило в 1975 году (за год до отмены смертной казни) 3,09, в 1980 году снизилось до 2,41. В 2002 году, спустя 26 лет после отмены смертной казни, число убийств на 100 тысяч населения составило 1,85, что на 40% меньше, чем в 1975 году.

По данным организации «Международная Амнистия» за 2004 год в мире было исполнено около 4000 казней. Самое большое количество смертных приговоров было приведено в исполнение в Китае — примерно 3 400. На втором месте Иран — 159 человек были казнены. На третьем Вьетнам — 64. В США за прошлый год было казнено 59 человек. Согласно «Международной амнистии», 2004 год является лидером по количеству совершенных казней за последние 25 лет.

Истинный порядок цифр, безусловно, намного выше, потому что многие страны казнят своих граждан в секрете.

В настоящее время свыше половины всех государств мира отменили смертную казнь в законодательном порядке или не применяют ее на практике. Статистика такова:

- 80 государств отменили смертную казнь за все виды преступления;
- 15 государств отменили смертную казнь за все виды преступления, кроме исключительных случаев, например, за военные преступления;
- 23 государства ввели мораторий на вынесение и исполнение смертной казни и, хотя этот вид наказания сохраняется в законодательстве, на практике он не выносятся и не исполняется;
- 78 государств сохраняют и применяют смертную казнь, однако, число стран, действительно казнящих осужденных, становится значительно меньше.

Как правило, после отмены смертной казни эту меру наказания восстанавливают крайне редко. Начиная с 1985 года свыше

50 государств отменили смертную казнь в законодательном порядке, и лишь 4 страны из этого списка вернули высшую меру наказания. Одно из этих четырех государств, Непал, на сегодняшний день повторно отменило смертную казнь, а еще одно, Филиппины, сначала вернуло, а потом снова приостановило исполнение приговоров. В двух других государствах, Гамбия и Папуа — Новая Гвинея, смертных казней на сегодняшний день не зафиксировано.

Мир рядом с нами

После распада Советского Союза практически все вновь образовавшиеся независимые государства сохранили в своем законодательстве смертную казнь. На сегодняшний день 10 государств бывшего СССР отменили этот вид наказания абсолютно, в трех странах действует мораторий, и только в двух — Белоруссии и Узбекистане — смертная казнь сохраняется.

К странам, полностью отменившим смертную казнь, относятся: Армения, Азербайджан, Эстония, Грузия, Литва, Молдова, Туркменистан и Украина. В феврале этого года к этому списку присоединился Таджикистан (с 15 июля 2004 года действовал мораторий на вынесение и исполнение смертных приговоров). Латвия отменила смертную казнь за все преступления, совершенные в мирное время.

В Казахстане и Кыргызстане введен мораторий на исполнение приговоров, но не на их вынесение. На июль 2004 года в Казахстане содержались 27 заключенных-смертников, подпадавших под действие моратория, который был введен в декабре 2003 года. Примерно 140 человек были приговорены к смертной казни в Кыргызстане, где мораторий продлевается ежегодно, начиная с 1998 года.

Россия — единственная страна из всех 45 членов Совета Европы, до сих пор не выполнившая свое обещание отменить смертную казнь, которое она сделала при вступлении в эту организацию 28 февраля 1996 года. Россия подписала, но до сих пор не ратифицировала Протокол № 6 к европейской Конвенции по правам человека, касающийся отмены смертной казни в мирное время, который должен был быть ратифицирован в течение трех лет с момента вступления страны в Совет Европы. Вопрос о ратификации Протокола является центральным в ходе процедуры мониторинга за выполнением Россией обязательств, взятых при вступлении в Совет Европы. Затягивание или отказ от ратификации неизбежно приведет к изоляции Рос-

сии в этой организации, нанесет серьезный ущерб международному престижу страны, отрицательно скажется на ее внешнеполитических и внешнеэкономических интересах.

Тем не менее 16 мая 1996 г. Президентом России был подписан Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». С августа 1996 г. по распоряжению Президента Российской Федерации судебные приговоры к смертной казни в исполнение не приводятся. Действующий в настоящее время мораторий на вынесение и исполнение приговоров к смертной казни основан на решении Конституционного суда от 2 февраля 1999 года, в соответствии с которым суды России не могут назначать наказание в виде смертной казни. Свою позицию Конституционный суд мотивировал тем, что в ст. 20 Конституции Российской Федерации предусмотрено право лица, которому угрожает применение смертной казни, на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Между тем, такие суды организованы не во всех субъектах Российской Федерации. Таким образом, по мнению Конституционного суда, обвиняемые окажутся в неравном положении: в одних регионах они смогут воспользоваться правом, гарантированным Конституцией, а в других — нет. Поэтому Конституционный суд предложил судам не выносить приговоры к смертной казни до создания суда присяжных во всех регионах Российской Федерации. Таким образом, формального моратория на применение смертной казни в России нет, тем не менее, это наказание не назначается и не исполняется.

Дебаты об отмене смертной казни в России продолжают уже несколько лет. После террористических актов, произошедших за последние полгода, резко возросло количество сторонников смертной казни. Ряд депутатов предложили «заморозить» мораторий на смертную казнь в отношении лиц, осуществляющих террористическую деятельность. Согласно опросу общественного мнения, 82,7% граждан считают, что смертная казнь является признаком силы государства, 13,7% признают, что наличие высшей меры свидетельствует о слабости власти, и 3,6% рассматривают это как признак растерянности общества.

Беларусь и Узбекистан остаются единственными странами на территории бывшего Советского Союза, продолжающими практику смертных приговоров. Обе страны до сих пор отказываются публиковать полную статистику числа смертных приговоров и осуществленных казней, чем нарушают свои обязательства в качестве членов Организации по безопасности и сотрудничеству в

Европе «предоставлять общественности информацию, касающуюся применения смертной казни». Власти Белоруссии и Узбекистана часто ссылаются на общественное мнение, как ключевой аргумент, препятствующий введению моратория на смертную казнь в своих странах. Однако, не предоставляя достоверной информации населению относительно применения смертной казни, они препятствуют формированию действительно правдивого мнения. Кроме того, из-за несовершенных систем правосудия в этих странах вероятность судебных ошибок является очень высокой. Согласно имеющейся статистике, ежегодно в Узбекистане приговаривают к смертной казни около 200 человек. Ни в той, ни в другой стране смертная казнь не применяется в отношении несовершеннолетних, женщин, и мужчин старше 60 лет.

Согласно законодательству, и в Беларуси, и в Узбекистане родственники приговоренного к смертной казни не информируются о дате казни и им не предоставляется также возможность последнего прощания с близким человеком. Тело казненного не отдается родственникам для захоронения и место захоронения не раскрывается. Секретность, окружающая смертную казнь, усугубляет страдания как самих осужденных, так и их родственников.

Однако нельзя не отметить те позитивные шаги, которые сделаны на пути отмены смертной казни в этих двух странах. Так, например, в решении Конституционного суда Республики Беларусь от 11 марта 2004 года говорится, что превентивная роль смертной казни за серьезные преступления не может быть доказана. Суд указывает на то, что в период с 1994 по 1998 г. количество смертных приговоров в республике возросло, а число преднамеренных тяжких убийств, караемых смертной казнью, возросло также. В период 2002–2003 гг. количество смертных приговоров значительно сократилось, точно так же как и число убийств с отягчающими обстоятельствами. В настоящее время в Беларуси содержатся 3 человека, приговоренных к смертной казни.

Власти Узбекистана подготовили план действий, касающихся смертной казни, включая рассмотрение практики отмены смертных приговоров в индивидуальных случаях на пленуме Верховного суда, разработку инструкций по информированию родственников лиц, приговоренных к высшей мере наказания в соответствии с международными нормами, представление проекта закона об изменениях и дополнениях к Уголовно-исполнительному кодексу в 2005 году.

На пути к всеобщей отмене

С 6-го по 9-е октября этого года в Монреале, Канада, состоялся Второй Всемирный конгресс против смертной казни, организованный общественными международными организациями Ensemble contre la Peine de Mort («Вместе против смертной казни») и Penal Reform International («Международная тюремная реформа») при поддержке Всемирной коалиции против смертной казни.

Конгресс собрал более 1000 участников, среди которых были дипломаты, парламентарии, эксперты, юристы, судьи, ученые, журналисты и представители общественных организаций со всего мира. Место проведения Конгресса было выбрано не случайно. Во-первых, Канада является страной, отменившей смертную казнь 28 лет назад, и, во-вторых, расположена в непосредственной близости от стран, продолжающих широкое применение смертной казни (США, Куба, страны Карибских островов). Участники обсуждали стратегические подходы к отмене смертной казни по всему миру и также вопросы экстрадиции граждан из одной страны в другую, где они могут быть подвержены риску вынесения им смертного приговора.

На Конгрессе присутствовали люди, которые были приговорены к смертной казни в прошлом и ожидали ее исполнения в камерах смертников в течение нескольких лет. Все они позже были оправданы и освобождены. Многие из них стали членами различных организаций, выступающих за отмену смертной казни.

Среди участников были также родственники жертв. Одна из них сказала в своем выступлении: «Мы знаем по своему опыту, что месть в виде нового убийства — это не ответ на наше горе. Прежде всего, нам, родственникам и семьям, необходима помощь и поддержка в примирении со своей потерей, в том, чтобы залечить сердечные раны и вернуться к нормальной жизни. И мы понимаем, что дополнительные смерти не помогут нам в этом».

Второй Всемирный Конгресс против смертной казни принял заключительную декларацию, в которой призвал все страны продолжать делать шаги на пути всеобщей отмены смертной казни.

КРЫЖОВ С.Б.: Я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое Уполномоченный по правам человека. Информация об этом еще не вошла в наше общественное сознание.

Уполномоченный по правам человека это государственная должность. Впервые в России она возникла из нашей Конституции, которая предусматривает, что Государственная дума назначает Уполномоченного по правам человека, действующего на основании Федерального конституционного закона. Такой закон был принят в 1997 году, и с 1998 на основании закона действует этот институт в РФ. Федеральный конституционный закон предусмотрел возможность субъектам Федерации назначать уполномоченных по правам человека на основании конституций, уставов и законов субъектов Федерации. Эти уполномоченные по правам человека действуют за счет бюджета соответствующего субъекта Федерации.

Впервые появились такие уполномоченные в 1996 году в Башкортостане и в Свердловской области. На сегодняшний день уже 30 регионов имеют уполномоченных по правам человека в субъектах, действующих на основании закона. В Чеченской Республике уполномоченный по правам человека назначен указом Президента, но пока там закона нет, поскольку нет избранного парламента.

Функции уполномоченных по правам человека практически у всех одинаковые, хотя законодательство субъектов Федерации по этому поводу несколько различается. Основные функции — это восстановление нарушенных прав граждан, совершенствование законодательства в сфере защиты прав человека, развитие межрегионального и международного сотрудничества в этой сфере и содействие правовому просвещению в сфере прав человека и их защиты. И этими проблемами сейчас занимаются уполномоченные в 30 регионах. Однако есть проблемы, связанные с тем, что нет федерального закона, который определяет статус меня и моих коллег, что вызывает некоторые трудности в нашей работе.

В большинстве субъектов Федерации и у федерального уполномоченного по правам человека функция — рассмотрение прав граждан на действия или бездействие органов власти и соответственно своего региона, если речь идет об уполномоченном по правам человека в субъектах Федерации. В некоторых республиках это могут быть и любые нарушения. В Татарстане, например, уполномоченный по правам человека наделен самыми широкими полномочиями, он может жалобу принять

на предприятие, на руководство предприятия, на любые нарушения.

Я как уполномоченный по правам человека получаю жалобы граждан, их рассматриваю, мои коллеги также. На основании этих жалоб помимо того, что по каждой жалобе производится процедура проверки и попытки восстановления (удается в 15–20% случаев) прав граждан путем обращения к тем органам, которые должны это сделать.

Что касается сегодняшней темы, то из своей практики, я могу сказать следующее. Ко мне поступают жалобы на решения судов Московской области и на действия судов как государственных органов. В частности, понятно, что для лица, осужденного к большому сроку заключения, тем более к пожизненному заключению, и в том случае, если имеет место судебная ошибка, восстановление справедливости становится целью жизни, потому что никто внутренне не соглашается с тем, чтобы страдать из-за несправедливого судебного решения. На этом пути у людей возникают проблемы, связанные с тем, чтобы выбрать себе того защитника, которого он хочет. Есть международная конвенция, Конвенция о защите прав и основных свобод, Европейская конвенция о правах человека, которая подразумевает, что каждый сам вправе выбрать себе защитника. Есть с этим проблемы.

За прошлый год мне поступило 34 жалобы от людей, находящихся в местах лишения свободы, на то, что суды не предоставляют копии материалов судебных дел. УПК определил права обвиняемых и в УПК написано, что обвиняемый на разных стадиях имеет разное название. На определенной стадии он подсудимый, потом подсудимый, потом оправданный или осужденный. Но на всех стадиях он является обвиняемым и обладает теми процессуальными правами, которые дает этот закон уголовно-процессуальный обвиняемому, одним из которых является снятие копий с материалов дела за свой счет. Налоговый кодекс, ранее Закон о государственной пошлине, подразумевал, что выдача копий материалов дела оплачивается пошлиной. Раньше она составляла рубль, сейчас не знаю в Налоговом кодексе с нового года что записано, но эта сумма определена. Тем не менее, суды Московской области: и районные суды, и областной суд — этого не производили и не предоставляли материалов дела осужденным. У меня прошли беседы вплоть до председателя суда Амурасановой, которая почему-то не признает тот факт, что осужденный является обвиняемым и имеет те же самые права. В Процессуальном кодексе есть обязательные эта-

пы ознакомления с материалами дела, и она считает, что раз это соблюдено, то достаточно. Но, не найдя понимания на таком уровне, я обратился в прошлом году к Федеральному уполномоченному Владимиру Петровичу Лукину, он соответственно обратился к председателю Верховного Суда. Было проведено заседание президиума Верховного Суда, и поступил ответ, что президиум выдал поручение судебному департаменту на подготовку проектов документов в правительство, которыми определил строгий порядок обеспечения данного права. Может быть, эта проблема будет снята.

Какие проблемы связаны с тем, чтобы восстановить справедливость и признать судебную ошибку? Одним из таких препятствий является осознание правоприменителями, которые применяли закон и довели дело до несправедливого судебного решения, что человек, подвергнутый несправедливому лишению свободы, имеет право на компенсацию. Кто же будет компенсировать этот его ущерб? В Конституции у нас продекларировано, что за судебные ошибки, вообще за ошибки государства, гражданин имеет право на компенсацию. Но порядка такого нигде не установлено. И органически система правоприменения не хочет признавать свои ошибки, в том числе именно и из-за этого момента. Надо предусматривать законодательно какую-то процедуру, которая бы облегчила морально признание судебной ошибки.

Кроме моральных моментов, еще существуют, на мой взгляд, препятствия, связанные со всевозможными сроками. Я по уголовно-процессуальному законодательству не вносил своих предложений, это было по гражданско-процессуальному законодательству. Вы знаете, что в позапрошлом году установлен годовой срок на обжалование решений гражданских судов в надзорном порядке. Совершенно для меня непонятное ограничение сроков. По-моему, как уголовные дела, так и гражданские дела, несправедливо разрешенные, могут быть всегда пересмотрены, поскольку это, как правило, затрагивает вопросы достоинства людей. Вопросы, касающиеся чести и достоинства, сроками не ограничены.

Что касается гарантий прав осужденных к пожизненному заключению. Конечно, люди, которые лишаются свободы, лишаются и очень большого количества гражданских прав. Препятствия к вступлению в брак и реализация других прав. Но перечня того, каких прав лишаются осужденные, нет, за исключением указаний на то, что они лишаются избирательных прав. Мне кажется, этот момент необходимо в законодательстве усовершенствовать.

ЯРТЫХ И.С.: Я очень признателен Маре Федоровне за то, что она активно приглашает нас, Федеральный союз адвокатов России, к сотрудничеству. Это сотрудничество имеет положительный эффект, дает нам большую почву для размышлений и, я думаю, оказывает определенную помощь организации, которую возглавляет Мара Федоровна. И в целом российская юридическая общественность кое-что из этого может почерпнуть. Надеемся, что и государство обратит на нас внимание.

Обсуждая тему, заявленную в сегодняшней конференции, я позволю себе с одной стороны ее несколько расширить, с другой стороны сузить и остановиться на отдельных моментах, которые, на мой взгляд, представляют серьезную проблему сегодня.

К сожалению, мы имеем те правоохранительную и судебную системы, которые имеем, и ничего из этого мы выкинуть не можем и добавить тоже не можем. Если взглянуть на систему назначения уголовных наказаний или отправления уголовного правосудия, безусловно, ключевой проблемой является вопрос о назначении справедливого и адекватного наказания подсудимому. В этой части сегодня, к сожалению, у нас наблюдается тенденция, при которой судьи вольно трактуют закон и, принимая то или иное решение, в основном, к сожалению, основываются на субъективных взглядах, что, безусловно, создает не только негативное впечатление о российском суде, но и в целом подрывает веру населения, общественности в возможность такого правосудия.

Для более яркого примера я позволю себе привести такой пример. Вот недавно был осужден господин Пичугин. Это одно из ряда дел, которые сегодня дошло до суда в рамках известного дела «ЮКОСа». Был осужден на пожизненное заключение за якобы организацию умышленного убийства двух и более лиц. Людям, которые не знают всех тонкостей этого дела, безусловно, сложно понять, почему я, например, обратился именно к этому примеру. Замечу только один факт, который имел место быть в этом деле: трупы потерпевших не найдены и по сей день. Таким образом, господин Пичугин был осужден за убийство, факт которого судом не был доказан. Вот приблизительно так функционирует вся судебная система. Когда закон требует безусловного доказательства объективной стороны преступления, суд, основываясь на ему одному ведомых обстоятельствах, приходит к выводу, что все-таки имело место данное преступление.

Я могу приводить такие примеры десятками. Вот пример 10-летней давности из собственной практики. Когда я защищал граждан, признавших в совершении преступления, более того, указавших

место, где якобы по версии прокуратуры был закопан труп потерпевшего, труп тоже не был найден, граждане были осуждены. Верховный суд затем отменил приговор, вернул на новое рассмотрение, указал на то, что необходимо установить причины смерти, установить сам факт смерти, и только после этого может быть вынесен приговор. Тем не менее, суд одной из республик вновь вынес при тех же обстоятельствах обвинительный приговор. Верховный суд оставил его в силе, этот приговор. И после этого мне пришлось общаться с этими членами ВС. Один из них мне на чистом глазу заявляет: «Ну как же так, люди уже отсидели достаточно много, люди вроде сознались, ну не нашли, ну не смогли, но, может быть, найдут когда-нибудь». И вот так, к сожалению, наша судебная система продолжает действовать и по сей день. В этом плане обеспечить справедливость хоть какую-то возможно только при самом активном участии общественности. Мы полагаем, что введение суда присяжных в РФ — это безусловно положительный шаг вперед. Сегодня, к сожалению, затеяны были дискуссии по поводу целесообразности ведения этого института. Более того, некоторые политические деятели договорились до того, что суд присяжных неплохо было бы и отменить, поскольку мы находимся чуть ли не на военном положении. И вообще, как с нашим населением и с нашим народом можно вершить правосудие?

В этой части я бы хотел обратить внимание присутствующих на то, что суд-то присяжных у нас активно действует всего-то года два. При этих обстоятельствах надо хотя бы набраться терпения.

И самое главное. Что решает суд присяжных? Суд присяжных, если возвращаться к его истории, был учрежден как суд факта. Присяжные не обязаны устанавливать виновность и степень виновности подсудимого. Они должны дать утвердительный или отрицательный ответ на два вопроса: было либо не было событие преступления? причастен подсудимый либо не причастен? Здесь, поверьте, никаких юридических знаний не нужно. Здесь нужен здравый смысл. И если в материалах дела отсутствуют надлежащие доказательства, любой нормальный человек на белое скажет «белое», на черное скажет «черное».

К сожалению надо отметить, что правоохранительная система не была готова к введению суда присяжных. Я не говорю о том, что недостатки следственной работы настолько вопиющие, что за иных прокуроров стыдно становится. В качестве примера — недавнее дело. Мособлсуд принял к производству одно громкое дело, не буду сейчас говорить по фигурантам. Скажу, что суд принял его к производству, назначил предварительное

следствие. Судья, когда ознакомился с материалами дела, вдруг решил вынести определение, что в связи с тем, что факты, изложенные в материалах дела, не соответствуют обвинительному заключению, дело надлежит вернуть прокурору для пересоставления обвинительного заключения. Мы с прокурором, который поддерживал обвинение, переглянулись и оба заявили, что закон не предусматривает такие основания. В случае если материалы дела не соответствуют обвинительному заключению, надлежит постановить оправдательный приговор, не более того. Однако судья вынес такое определение, и дело пошло в Верховный суд. В ВС прокурор, который должен был поддерживать представление нижестоящего прокурора, когда разобрался, что если дело действительно в таком варианте будет оставлено в суде, то там будет однозначно оправдательный приговор, вдруг отказывается поддерживать кассационное представление областного прокурора. Самое смешное было другое. Что я должен был бы тоже с этим согласиться, а я поддерживал представление областного прокурора как совершенно законное и обоснованное.

К чему я привел этот пример? Сегодня не только следствие, но и прокуроры не готовы работать в новых условиях, они просто не в состоянии это делать. То, что их не учат ничему, это одно дело. То, что они не хотят учиться, это другое дело. И здесь возникает та проблема, которая сегодня имеет место быть: любыми способами продавить в суде те решения, которые выгодны обвинению. И надо заметить, что наши суды сегодня не в состоянии противостоять этому беспрецедентному давлению, которое идет со стороны обвинения. И в большинстве своем в тех случаях, когда надо принимать решения законные, они принимают решения совершенно субъективные и не основанные на законе.

Что касается пожизненного заключения. Это вопрос дискуссионный. Безусловно, пожизненное заключение как мера наказания имеет право на существование. Что лучше — пожизненное заключение или расстрел, на сегодня, пожалуй, никто однозначно ответить не может. Что лучше — лишение человека права на жизнь, или лишение человека права на свободу передвижения, на свободу как таковую? Почему никто никогда не задается вопросом — а не является ли пожизненное заключение собственно пыткой? Пыткой психологического характера, которую далеко не все выдерживают? То есть вопрос очень непростой. Более того. С точки зрения сугубо психологической, работая по тяжким преступлениям, я могу совершенно точно сказать, что люди, которые сегодня получают пожизненный срок, это люди со смещенной психикой,

это люди, которые никогда ни при каких условиях не будут жить в обществе нормально, по нормальным человеческим законам. Понятно, что в лесу существуют санитары леса, которые бешеными зверей уничтожают. Общество должно совершенно адекватно понимать последствия того, что оно делает. Я не знаю, что гуманнее — пожизненное заключение, либо все-таки смертная казнь.

Я не могу не остановиться на вопросе участия правозащитников, да и профессиональных правозащитников, каковыми являются адвокаты, в обеспечении гарантированного Конституцией права на защиту. Мы, адвокаты, два года живем в новом правовом поле, в правовом поле нового Закона об адвокатской деятельности и об адвокатуре. Завтра начнет работу Второй съезд Федеральной палаты адвокатов России. Единственная тенденция, о которой я не могу не сказать на этой конференции, которая начала совершенно четко прорисовываться, — это тенденция, с которой власть пытается те свободы, те права, которые адвокатуры были свыше дарованы, сегодня отобрать. Делается это при всяких возможностях, по случаю и без случая.

Пример из правоприменительной практики. В законе четко сказано, что адвокат вступает в уголовный процесс по предъявлению ордера, который свидетельствует о том, что между адвокатом и подозреваемым, либо его родственниками заключено соглашение. Никаких иных документов для адвоката, для встречи с подзащитным не надо. К сожалению, сегодня почти все изоляторы вернулись к практике либо предоставления повторного ордера для доступа к подзащитному, либо требуют разрешения согласования со стороны того следственного органа, в производстве которого находится дело. Мы к этой проблеме возвращаемся уже в десятый раз. Но, к сожалению, те из правоприменителей, которые сидят в Минюсте, ничего, никак не усвоили, ничему не научились и пытаются вновь вернуть все на круги своя. Сегодня имеет место и такая тенденция как попытка ввести, или внедрить, или создать что-то наподобие государственной адвокатуры. Не далее как две недели назад в ряд палат адвокатов субъектов Федерации поступили указания якобы от Администрации Президента по созданию так называемых юридических бюро. Пока вроде бы планируется, что в этих юридических бюро будет оказываться правовая помощь малоимущим гражданам за счет государства. Но мы точно знаем из источников, заслуживающих доверия, что делается это с одной единственной целью. Максимально ослабить деятельность адвокатуры как института гражданского общества, максимально ослабить ее влияние на обще-

ство, и дать возможность при необходимости использовать в нужных судебных процессах нужных защитников. Мы категорически против этого выступаем и сделаем все возможное, чтобы общество не дало оболваниться вновь. А те средства, которые пытаются направить для решения этой проблемы, лучше бы отдали на решение проблем адвокатуры, которая сегодня успешно выполняет все задачи по так называемой бесплатной помощи в отношении малоимущих слоев населения.

Еще один вопрос, на котором не могу не остановиться. Уважаемый коллега Сергей Анатольевич Пашин здесь останавливался на этом вопросе, но я бы его немного развил. Это вопрос конституционности многих законов. А я бы его поставил в иную плоскость: конституционности правоприменительной практики. Мы все помним первый закон о Конституционном суде. В первом законе о КС была замечательная норма, к которой, как мне кажется, необходимо срочно возвращаться. Это когда суд имел право исследовать обыкновенную судебную практику, то есть правоприменительную практику. Сегодня КС не может разрешать эти вопросы. А проблема нашей судебной системы в общем сегодня в правоприменении, потому что создают такие прецеденты, которые потом распространяются на всю Россию, и они близко ничего не имеют с буквой закона, которая прописана формально на бумаге. И КС неоднократно указывал на то, что надо читать закон — там все написано четко.

В заключение выступления позволю себе лирическое отступление. Когда мы сдвинем этот воз с мертвой точки? Я все больше прихожу к выводу, что должно пройти какое-то время, поскольку те люди, которые делали и сегодня продолжают делать и судебную реформу, и государственную политику, как бы они ни били себя в грудь и ни называли себя реформаторами, они, к сожалению, люди с весьма своеобразным мышлением. И отвечая на этот вопрос, я говорю всем — подождите. В 2015–2020 году у России будет шанс рвануть вперед, шанс реальный и просчитывается он просто, этот шанс. Те ребята, которые родились в 1980 году и позже — это новые люди, новые дети. Им в 2015–2020 году будет 30–35 лет. Это вы. Вы придете к управлению государством. Я думаю, все, что вы сегодня впитаете, и на этой конференции в частности, если вы научитесь уважать свободу, бороться за свободу, если вы научитесь умело распоряжаться свободой, которая вам будет дана, я думаю, что вы и государство в целом сумеете развернуть именно в том направлении, в котором оно так нуждается. Желаю вам успехов в учебе и удач в будущей жизни.

ЗАХАРИХИНА О.В.: *Тема выступления: «Обеспечение прав и законных интересов осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы», тезисы (публикуется представленный автором письменный текст).*

1. По официальным данным, на 1 января 2005 г. отбывающие пожизненное лишение свободы составляют 0,26% от общего количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы, однако именно эта категория осужденных требует к себе особого внимания со стороны администрации учреждений, а сам вид наказания и «пожизненники» вызывают живой, порой не совсем здоровый интерес общественности.

С одной стороны, в силу действующего моратория на применение исключительной меры наказания, лица, совершившие особо тяжкие преступления (убийство; терроризм; посягательство на жизнь: государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа; геноцид), приговариваются к неопределенному сроку лишения свободы. С другой стороны, ни для кого не секрет, что общественное мнение в значительной степени склоняется к тому, что эти люди не достойны человеческих условий существования в исправительных учреждениях, не говоря уже о том, что они не имеют право на жизнь.

2. Между тем, не ставя под сомнение необходимость сохранения моратория на высшую меру наказания, мы одновременно считаем, что права и законные интересы именно этой категории осужденных должны быть реализованы в полной мере, поскольку пожизненное лишение свободы связано с самими большими правоограничениями.

Вопреки расхожему мнению о том, что «пожизненники» якобы сами готовы уйти из жизни, чтобы не подвергаться такому суровому наказанию, они явно проявляют желание жить, причем всячески улучшить те условия, в которых они содержатся, сохранить свое здоровье, достоинство и человеческий облик.

3. Об этом свидетельствует опрос, проведенный нами в исправительной колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, расположенной в г. Соликамске Пермской области.

Осужденным было предложено ответить в письменном виде, анонимно на следующие вопросы:

1) Ваше отношение к наказанию в виде пожизненного лишения свободы.

2) Удовлетворяют ли Вас условия отбывания наказания?

Среди 284 отбывающих пожизненное лишение свободы наиболее многочисленной является возрастная группа 30–59 лет — 71%, до 30 лет — 26%. Женаты 25% осужденных от списочной численности, 39% холосты, 21% состоят в гражданском браке и 14% разведены. Семейные связи поддерживают 67% осужденных. Ни один «пожизненник» не занят общественно полезным трудом. По объективным причинам лишь 170 человек (59%) приняли участие в опросе.

4. Характерно, что на первый вопрос осужденные фактически отказались или не сочли нужным отвечать. Немногие ответившие на этот вопрос в основном заявили, что предпочли бы смерть подобным условиям существования: «Лучше ужасный конец (расстрел), чем бесконечный ужас (пожизненное лишение свободы)», и при этом высказали ряд, на наш взгляд, объективных претензий как в адрес законодателя, так и представителей администрации колонии.

Что касается конкретных замечаний и предложений по условиям содержания и соблюдению их прав и законных интересов, то большое количество осужденных настаивает не столько на соблюдении прав и законных интересов, сколько по существу стремится выполнить свою обязанность — трудиться (36%). На самом деле, как нам представляется, в этом выражено их стремление заполнить свое унылое, бессмысленное, бесперспективное существование хоть каким-то делом, внести разнообразие в свою жизнь, отвлечься.

5. Ответы осужденных проявили их стремление к получению информации извне, желание не утратить связь с внешним миром (38%). «Было бы очень хорошо иметь в камере телевизор, поскольку хоть я и осужден к пожизненному лишению свободы, но любовь к Родине у меня сохранилась, я изолирован, но мне интересно было бы видеть, как развивается наша страна, как живет наш народ». Высказывается просьба установить в камерах радиоточки, телевизоры (за счет собственных денежных средств осужденных), разрешить телефонные переговоры; общение с осужденными, находящимися в соседнем боксе (в камере расположены два бокса, в каждом по три осужденных); более частое общение со священнослужителями, правозащитниками, адвокатами; увеличить вдвое положенный лимит книг в камере на одного осужденного (вместо положенных по закону 5 книг и 2 газет).

6. О желании выжить, сохранить здоровье свидетельствует предложение 11,1% осужденных разрешить заниматься физи-

ческими упражнениями более чем 15 минут в день. Они также просят организовать квалифицированную медицинскую, в частности стоматологическую, помощь (8,2% опрошенных). Высказываются пожелания об улучшении материально-бытовых условий, что может способствовать соблюдению личной гигиены осужденными в полном объеме: установка зеркал в камерах (9,4%), более яркое освещение днем и введение ночного освещения (16,4%), приведение высоты лавок и столов к среднему росту человека, так как осужденный проводит большую часть времени (16 часов), сидя на лавке высотой 70 см. 20% осужденных просят предоставить им возможность самим проветривать камеру, имея доступ к форточке. Осужденным представляется недостаточным время мытья в душе (10 минут), просят увеличить его до 15–20.

7. К числу других пожеланий относится увеличение (желательно вдвое) времени подключения электричества (в настоящее время 2 часов 15 минут) (25,8%), разрешение снимать в камере хотя бы после вечерней проверки спецодежду и обувь (8,8%), и надевать спортивный костюм.

8. Подавляющее большинство осужденных содержится на строгих условиях отбывания наказания (94% от списочной численности), лишь 6% переведены на обычные условия. Таким образом, основная часть лишена таких прав, как длительные свидания с родными, большего, нежели на обычных условиях, количества посылок и бандеролей, поэтому каждый пятый осужденный высказывается за предоставление подобных прав уже на строгих условиях содержания, что, по их мнению, будет способствовать поддержанию связей с родственниками и повлияет на их эмоциональное и моральное состояние.

Также осужденные высказались за увеличение ежемесячных расходов на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости со 135 рублей минимум до 200 руб.

9. Некоторые осужденные предлагают установить минимальный срок отбытия наказания, после которого может рассматриваться вопрос об условно-досрочном освобождении. Вероятно, сами того не осознавая, они рекомендуют ввести практику назначения и отбывания наказания, принятую в некоторых Европейских государствах, а именно: суд с учетом общественной опасности совершенного преступления и личности осужденного определяет примерный срок пожизненного лишения свободы. В зависимости от поведения осужденного на основании специально разработанного индивидуального плана отбыва-

ния наказания администрация учреждения вправе поэтапно улучшать условия содержания вплоть до перевода в учреждение открытого типа, где заключенные доказывают степень раскаяния и способность вернуться в общество, не представляя для него угрозы.

10. Безусловно, подобная организация исполнения пожизненного лишения свободы далеко не в полной мере может быть осуществлена в России. Однако следует задуматься о внесении изменений и дополнений в УК и УИК РФ, предусмотрев в них возможность дифференцированного и индивидуализированного назначения пожизненного лишения свободы, а также возможность отбывания заключительной части (5 лет) с содержанием в спальнях помещениях, рассчитанных максимум на 10 человек, с тем чтобы осужденный смог восстановить навыки общения, в значительной степени утраченные за время нахождения в 2–3-местной камере.

11. Что касается подавляющего большинства высказываний «пожизненников», нам они представляются разумными, если мы стремимся не только на словах, но и на деле обеспечить правовое положение осужденных и, пусть в отдаленной, но все же перспективе вернуть их обществу физически здоровыми и не представляющими общественной опасности.

БАЗУНОВ В.В.: Вчера, когда я во второй половине дня получил приглашение принять участие в этой конференции, я расстроился. Расстроился как юрист, потому что вопросы, заявленные для обсуждения, конечно очень важные, юридически непростые, требуют специальной подготовки. То есть время просто нужно, чтобы профессионально, предметно о них разговаривать. Тем не менее я подумал, что, наверное, будет правильно даже без подготовки прийти сюда, пообщаться. Тем более что будут студенты. Мою уверенность подтвердила Людмила Михайловна Алексеева, когда она говорила сегодня о том, что юристов было мало, а они, конечно, нужны. И когда я слушал ее выступление, я вспомнил о том, что ее слова опосредованно подкрепляются законом. Федеральным конституционным законом об уполномоченном по правам человека. Где после назначения на должность уполномоченный приносит присягу. Где есть запись «руководствоваться Конституцией, законодательством и голосом совести». Вот вам ответ на вопрос. Поэтому спасибо за приглашение. Вопросы действительно чрезвычайно важные.

Почему общество на нынешнем этапе придает столь большое значение правам лиц, которые содержатся в местах принудительного содержания? Мне очень часто приходится отвечать на этот вопрос, когда мы встречаемся с работниками уголовно-исполнительной системы, с работниками прокуратуры. Но вопрос в разных интерпретациях звучит примерно так. Почему вы делаете акцент на защите прав тех лиц, которые совершили преступления? Почему вы не защищаете персонал?

На совещании во ВНИИ Генпрокуратуры один из прокуроров мне сказал так: «Вот моя теща легла в больницу, ее кормили из расчета 12 рублей 50 копеек, а осужденных — 30 рублей, и попробуй меньше сделай». Да, это так. К сожалению, не все граждане еще защищены государством и от государства, но, тем не менее, обычно на этот вопрос я отвечаю так, что государство, назначая от своего имени наказание, в том числе лишение свободы, берет на себя ответственность за соблюдение прав тех лиц, которых оно наказывает. Это первое.

И второе. Лица, находящиеся в местах принудительного содержания, объективно ограничены в правовых средствах своей защиты. Если любой гражданин может пойти и обратиться в суд за установлением своих нарушенных прав, то в отношении либо осужденных, либо заключенных под стражу, конечно, это проблема.

Что касается деятельности системы. Вне всякого сомнения, уголовно-исполнительная система стала более открытой. Это

факт, это надо признать и это очень хорошо. Во вчерашней «Российской газете» было опубликовано интервью Юрия Ивановича Калинина, который говорит о тех процессах, которые происходят. Все это правильно, это уже не ГУЛАГ 1937 года. Это уже достаточно цивилизованная система, которая приближается, идет по пути соблюдения всех международных норм и стандартов. Вместе с тем...

Я слукавил, говоря, что не успел подготовиться. Хотелось бы, чтобы вы, молодые, люди с новым мышлением, в том числе юридическим, подумали над совершенствованием законодательства. Ждем от вас предложений. Сейчас сидел и думал. В тему сегодняшней конференции «Назначение уголовного наказания».

Те, кто уже изучил уголовное право, помнят, что одной из целей уголовного наказания является восстановление социальной справедливости. Честно говоря, не пойму до сих пор, что это такое? Что это за цель и как она достигается? Общие, специальные превенции — все ясно и понятно. А вот как достичь целей восстановления социальной справедливости — до сих пор не понимаю. Как восстановить социальную справедливость при совершении убийства? Возмездный характер? Как при этом? Подумайте — что здесь можно сделать? А ведь если цель размыта и недостижима, то любая управленческая система идет в никуда.

Еще один вопрос. Около месяца тому назад Уполномоченный по правам человека Владимир Петрович Лукин встречался с председателем Верховного суда РФ Вячеславом Михайловичем Лебедевым. Вячеслав Михайлович в порядке постановочного вопроса говорил о том, что суды общей юрисдикции в настоящее время в России очень загружены. И это правильно. И он попросил Владимира Петровича проработать вопрос об изучении проблемы условно досрочного освобождения. Речь идет о том, чтобы снять с судов функцию условно досрочного освобождения. То есть внесудебное условно досрочное освобождение. Революция в праве. С одной стороны только суд назначает наказание. Только суд может уменьшить срок наказания, если это лишение свободы. С другой стороны, внесудебный порядок у нас уже существует, Госдума принимает акт об амнистии, Президент издает индивидуальный правовой акт о помиловании. Подумайте на эту тему.

Очень много есть вопросов и в уголовно-исполнительном законодательстве. Хотелось бы Ольге Васильевне еще один вопрос задать дискуссионный и всем присутствующим. Как известно, в 1998 году уголовно-исполнительная система была передана из

системы МВД, в ведение Минюста. При этом декларировалось, что целями передачи является гуманизация, демилитаризация системы. Все это правильно, эти процессы идут. Но я до сих пор не понимаю, как до 1998 года деятельность тогда отрядов, теперь отделов специального назначения, регламентировалась ведомственным нормативным актом МВД, который был открыт для всей общественности (можно было в Интернете посмотреть), а с 1998 года этот ведомственный акт стал с грифом «для служебного пользования». Я поясню, почему этот вопрос так важен. Потому что отдел специального назначения — это именно те люди, цель которых — пресекать групповые неповиновения, массовые беспорядки. Но зачастую, и мы имеем факты такого рода, они используются как средства устрашения. При этом именно о том акте, о котором я говорил, который сейчас закрыт для общественности, деятельность отдела регламентируется следующим образом. Им разрешено на время проведения специальных операций надевать маски с прорезями для глаз и для дыхания. При этом надеваются на форменную одежду так называемые идентификационные номера, которые представляют из себя прямоугольничек типа визитной карточки. И каждый номер индивидуален. Во всяком случае, декларируется цель — опознать лицо. А вот теперь попробуйте представить себя на месте человека, находящегося в полутемной переполненной камере следственного изолятора, когда в отношении этого человека применяются специальные средства, в частности палка резиновая, и этот человек еще должен разглядеть этот идентификационный номер. У нас порядка восьми уголовных дел по всей стране приостановлено в связи в неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемого. Вот вам и ответ на этот вопрос. Поэтому здесь тоже есть над чем думать.

Когда я спрашивал сотрудников системы, нужны ли маски, они говорят: «Да, нужны». Я спрашиваю: «Зачем?» Говорят: «Это же люди, которые применяют силу». Я задаю вопрос: «Они применяют силу на основании чего?» Они говорят: «На основании закона». Тогда зачем маски? Тогда, давайте, и на начальника исправительной колонии наденем маску, и на начальника управления. Если физическая сила, специальные средства применяются в точном соответствии с законом, зачем тут маска? Никаких масок быть не должно. Это от вас ждем каких-то идей.

Кстати, вы, те, кто заканчивает учебу в XXI веке, кому, как не вам, заниматься проблемами защиты прав человека? Приходите к нам на работу. Нам нужны юристы. Работа интересная, но

она не простая. Непростая в том смысле, что приходится через себя пропускать десятки, сотни людских судеб, и это бесследно не проходят для нормальной нервной системы, поэтому сложности здесь конечно есть.

Наконец, заканчивая свое выступление, чуть-чуть коснусь вопроса смертной казни и пожизненного лишения свободы. Мы слышали, как один из осужденных говорил, что смертная казнь нужна, другой — не нужна. Кстати, за два года моей работы в аппарате уполномоченного от «пожизненников» не поступило ни одной жалобы на условия содержания. А поступила всего лишь одна, где осужденный был помилован указом Президента, и смертная казнь ему была заменена лишением свободы, и он просил привести смертную казнь в исполнение. Мы долго думали, что же ему ответить. Но ничего лучшего не нашли, как то, что индивидуально-правовые акты Президента РФ обжалованию не подлежат. «Живи», — сказали мы ему. А вообще вопрос, конечно же, вечный. Вечный, со времени создания государственно организованного общества, и вряд ли когда-либо человечество найдет однозначный ответ на этот вопрос. На мой взгляд, в каждой из стадий развития общества оно имеет те или иные взгляды — этические, нравственные, правовые на смертную казнь. Что происходит сейчас — давайте разговаривать, давайте обсуждать. Очень важная, очень интересная тема. Наверняка мы не найдем однозначного решения. Может быть, и не надо этого делать. Но мы хотя бы будем знать, что это, зачем и почему.

В самом конце, не предваряя вашего мнения по поводу того, нужна смертная казнь или нет, я расскажу свои впечатления 20-летней давности, когда я провожал в силу своих служебных обязанностей человека на расстрел. Это было в три часа утра. Сейчас это уже не составляет тайны, а вообще исполнение этого вида наказания (кстати, наказание ли это? — юристы до сих пор не поймут) связано было с особым грифом «секретно». Все документы были совершенно секретны, в Российской Федерации или СССР было несколько пунктов, где приводились приговоры в исполнение, заказывался особый караул. Так вот в три часа утра, когда зашли в камеру к этому человеку, он у меня и сейчас перед глазами стоит, в народе есть такое выражение «белый как мел». Вот я увидел лицо неестественно белое. Человек был неестественно белым. Поэтому прежде чем думать о том, нужна она или не нужна с правовой точки зрения, следует подумать о морально-нравственном аспекте — имеет ли право государство убивать своих граждан?

КОСТАНОВ Ю.А.: Принимая эстафету, по поводу смертной казни — нужна она или не нужна, много можно спорить. Я адвокатом не сразу стал после университета, я долго работал в прокуратуре и поддерживал неоднократно обвинение по уголовным делам, чаще всего это было на областном уровне, чаще всего в областном суде по тем делам, где возможно было применение смертной казни. И как минимум в 11 случаях областной суд, соглашаясь с моим предложением гособвинителя, выносил смертные приговоры. И 11 человек было расстреляно.

Я сплю спокойно, меня кровавые кошмары не мучают, я до сих пор убежден, что те приговоры были абсолютно справедливы. И вообще в принципе я считаю, что общество и государство, как представитель общества, выразитель общественных интересов в данной сфере, должно иметь право на самозащиту. Если оно иным путем не может обезопасить человека, оно должно иметь право так себя защищать.

Тем не менее, не сегодня и даже не вчера, а значительно раньше я пришел к выводу о необходимости неприменения смертной казни ни в коем случае. Объясню почему. По исключительно процессуальным соображениям. И по тем же соображениям смертная казнь, на мой взгляд, значительно хуже пожизненного лишения свободы, какие бы ужасы там ни творились, в этих колониях. Почему? Ввиду того, что смертная казнь — наказание необратимое.

Когда я работал в прокуратуре, мне неоднократно приходилось рассматривать ходатайства о помиловании, или по другим поводам уголовные дела со смертной казнью. И вот эта проверка дел не один раз заканчивалась принесением протестов Генпрокурором Союза. Я работал в союзном аппарате, и по этим протестам приговоры отменялись, потому что осуждались к этому наказанию невиновные люди.

Могу сказать, что по каждому делу, 100% дел о так называемых серийных убийствах таковы, что по первым эпизодам или по каким-то эпизодам из длинной череды преступной биографии в конце концов разоблаченного маньяка осуждались невиновные люди, причем нередко с самыми трагическими последствиями. Известное дело в Иркутске, там погибло невиновных два человека: одного забили сокамерники, мы догадываемся, как это организуется, когда кому-то надо, другого расстреляли по приговору суда. Известнейшее дело в Белоруссии было, когда двух невиновных человек расстреляли, а потом нашли настоящего виновного. Я никогда не забуду ситуации, когда один из моих

коллег в ужасе мне говорил: «Ты понимаешь, я уже написал, что все в порядке, что правильно приговорили к расстрелу по одному делу из Латвии, заключение сдано на машинку, вдруг поступает телетайп из Риги: “Срочно пришлите дело”. Удивляюсь, звоню туда, а мне говорят, что настоящего убийцу нашли». То есть если бы этот телетайп запоздал на неделю, было бы уже поздно. И на сегодняшний день я считаю, что нельзя человека расстреливать. Только потому нельзя, что это необратимое наказание. Если это ошибка, ее уже никогда не исправить. То, что этих людей из Белоруссии потом реабилитировали посмертно... Вы понимаете, был такой зам. генпрокурора Союза Найденов Виктор Васильевич, он по этому поводу сказал: «Они до сих пор лежат в земле и не знают, за что. Вот десять раз реабилитируйте посмертно — ни им, ни их семьям от этого легче не будет». Поэтому лучше уж сегодня сохранить пожизненное лишение свободы, нежели возвращаться к смертной казни. Это первое.

А как организовано пожизненное лишение свободы — это второй вопрос. Правильное решение этого вопроса лежит в сфере нравственности, как тут уже говорилось. Причем в нравственных проблемах даже более высокого, более общего порядка. Речь идет принципиально о безнравственном отношении государства, его руководителей, его функционеров ко всем гражданам нашей страны, потому что все это государство, как правило, в нас с вами граждан и не видит. Когда нам говорят, что избирать губернаторов будут таким образом, как сейчас предложено, это совершенно издевательски относятся к нашим избирательским правам. Когда я как адвокат пишу жалобы во все суды, какие можно и нужно, и в каждой жалобе у меня 22 довода, а мне отвечают фразой: «Вина доказана». Я говорю: «Мало ли что доказана, я вам говорю — то, что вы вменяете, это вообще не преступление, за это судить нельзя, хоть 20 раз докажете». Но следующий суд или следующий прокурор опять отвечает одной фразой: «Вина доказана». И пиши хоть генпрокурору Устинову, до которого жалобы вообще не доходят, подчиненные читают, хоть Лебедеву, куда угодно.

Вы говорите о том, как водят заключенных буквой «зю» и как это все организовано. У нас уже пару лет в стране можно подписаться на бюллетень Европейского суда. В прошлом году в одном из номеров бюллетеня я вычитал ситуацию, когда Европейский суд признал наличие нарушение прав человека, выразившееся в бесчеловечно жестоком обращении с осужденным. Заключалось это вот в чем. Речь шла о голландце, который от-

бывал лишение свободы. Полиция получила известие о том, что он готовится к побегу. И его поэтому решили перевести на усиленный режим. Так вот, что такое «бесчеловечное обращение» по стандартам европейским? Во-первых, у него ограничили количество свиданий с родственниками и прочими людьми до одного свидания в неделю. Вдумайтесь и сравните с нашей практикой российской. Сколько раз в год положено эти свидания проводить без всяких нарушений, без всяких усиленных режима и т.д.? Потом его каждый раз подвергали личному обыску и стали прослушивать его телефонные разговоры. Не то, что его лишили возможности говорить по телефону, а слушать стали, что он там говорит. По их меркам это жестокое, бесчеловечное обращение с человеком. А теперь прикиньте, что делается у нас. Такое безобразное обращение с пожизненно лишенными свободы (оно, кстати, жуткое и с теми, кто на срок лишен свободы, и вообще), объясняется очень просто. Ведь в этих осужденных государство и его функционеры не видят людей. Элементарным образом. Потому что с человеком так не обращаются. С человеком так вести себя нельзя. Зуб болит — вырвать, и лечить не надо. Что это, где написано, что у государства такое право так обращаться с людьми? Вот если он не человек, тогда да, тогда можно. Вот такое отстраненное отношение к своему населению на уровне не знаю какого века, по-моему, даже в раннем средневековье к людям относились как-то иначе. В этом суть, понимаете? Потому что все остальное идет отсюда.

Мне довелось провести длинную череду баталий с Минюстом по поводу свободы свидания адвокатов со своими подзащитными в местах содержания обвиняемых, подозреваемых и т.д. — СИЗО, короче говоря. По действующему закону адвокат не обязан ничего предоставлять для получения свидания, кроме ордера и адвокатского удостоверения. Так написано в законе о содержании под стражей обвиняемых и подозреваемых. Но существуют правила внутреннего распорядка следственных изоляторов. Сегодня эти правила утверждены приказом министра юстиции. Пару лет назад это были правила, утвержденные, естественно, приказом министра внутренних дел. Там есть пункт 49, где написано, что для получения свидания адвокат должен представить документ органа или должностного лица, в чьем производстве находится уголовное дело, о том, что адвокат к делу допущен. Эта ситуация не понравилась адвокату из Санкт-Петербурга Писаревскому, он обратился в Верховный суд. Верховный суд удовлетворил его жалобу, признав незакон-

ным этот пункт, но Президиум Верховного суда по протесту одного из заместителей председателя это решение отменил. И Писаревский, к сожалению, продолжать битву не стал, не знаю по каким причинам. Тут передали всю эту систему в Минюст, и тут это все коснулось уже меня. Я обжаловал снова в Верховный суд, зная, конечно, что мне откажут, имея в виду позицию президиума ВС. Но нельзя было этого не сделать, потому что это уже были другие правила формально, уже другое министерство. Они мне, естественно, отказали. Причем очень интересно было слушать доводы представителя ГУИНа (сейчас он как то иначе называется, а тогда ГУИН). Он говорил — «Вот эти адвокаты, как же можно бесконтрольно, без решения следователя их пускать в изолятор, они проносят деньги, чай, наркотики и — ужас! — даже оружие». Я взял реплику и сказал, что я не хочу особенно спорить вообще, потому что известно всему миру, что основной канал проникновения всех этих ужасных вещей вроде чая — это все-таки сотрудники ГУИНа, а вот что касается оружия, то я хочу возразить, потому что есть исторически известный факт, даже кинофильм об этом был, пистолет пронесли в следственный изолятор в Петербурге, в «Кресты», но сделал это следователь прокуратуры, адвокаты в этом замешаны не были. Несмотря на такое мое ехидство, решение было принято, естественно, не в мою пользу, но это дало мне достаточный материал для обращения в Конституционный суд.

Конституционный суд признал те нормы закона о содержании под стражей, в которых разработка порядка проведения свиданий защитника с подзащитным была отнесена к компетенции ведомств, неконституционными. На этом основании я заново поставил вопрос перед Верховным судом о незаконности этих правил, потому что они основаны на неконституционном положении законов. И Президиум Верховного суда при диком сопротивлении Минюста, который представителя туда прислал, и к сожалению любимой мною прокуратуры все-таки со мной согласился. И вот, наконец, постановление Президиума Верховного суда России, где написано: отменить решения судебной коллегии об отказе в удовлетворении жалобы такой-то. Точка. Вынести новое решение об удовлетворении жалобы адвоката Костанова. Казалось все ясным. Через месяца полтора или больше захожу в Бутырку, следственный изолятор № 2 города Москвы. У них висит в бюро пропусков распоряжение городского ГУИНа о том, что все-таки адвокат должен приносить разрешение следователя, а рядом ксерокопия представления городского

прокурора, где написано, что вот какое безобразие — адвокаты стали пускать без разрешения. Ссылка на постановление президиума не основательна, потому что президиум написал: «Вынести новое решение». Но ведь нового решения никто не вынес. Вот так остроумно.

По этому поводу пришлось мне идти уже в Совет Федеральной палаты. Уже у нас был Совет, уже была Федеральная палата, и наш президент Федеральной палаты адвокатов обратился к министру юстиции с большими возмущениями: «Что же такое у вас делается и что за безобразие?» Мы получили оттуда интересный ответ, там было написано: что вы, что вы! ничего такого не происходит, на самом деле все правильно, адвокатов пускают без всяких разрешений и так далее. А что касается адвоката Костанова, так он в тот день, что он указывает, вообще там не появлялся. Я не удержался и написал прямо туда, в ведомство Калинина, ехидное письмо на тему о том, что мне очень интересно, как они смогли узнать, был я там или нет, если у них не существует учета адвокатов, которых не впустили внутрь и не дали свиданий.

Ну, мелочи. Не останавливаются люди на этом. Приходят ко мне, жалуются — все восстановили, действительно пускают так, но что они делают дальше. Ну, не хочется, как это можно — взять, да пустить адвоката просто так. Стали пускать адвокатов на свидание в кабинет, поделенный двойным броневым стеклом и между стеклами еще железная решетка. И если я принес какую-то бумагу, которую мне надо показать моему подзащитному, я должен звать выводного, тот у меня возьмет, пронесет по всем коридорам и неизвестно каким кабинетам, даст ему почитать, потом принесет обратно. То есть это настолько противоречит и требованиям закона об адвокатской тайне, и требованиям закона и Конституции о конфиденциальности отношений защитника к подзащитному, требованиям международных законов, чего угодно.

Мы по этому поводу тоже возмутились. Нам отвечает Министерство юстиции: «Ну что вы, ради Бога, это было вызвано тем, что там ремонт производят. Без очереди — пожалуйста, а вот эти бронестекла, не обессудьте, других помещений у нас для вас нет». То есть не мытьем, так катаньем. Адвокаты им мешают. И адвокатов все время досматривают при выходе.

Не далее как вчера и до этого еще в понедельник я выхожу из Можайского СИЗО — очень хороший изолятор, спокойный, переполнения нет, очередей нет. И вот уже на выходе совсем из

изолятора, прежде чем меня выпустить на улицу, эта вахтерша снимает трубку и звонит: «Вот адвокат хочет выйти. Выпустить или нет?»

Ну, у меня адреналину от этого добавляется. Но вчера со мной ходила одна дама, у которой, наоборот, вместо адреналина сердце в пятки уходит. Она говорит: «А что же, нас не выпустят, а что же будет, как будет?» И так далее. Все разговоры, что надо по ордеру и так далее, мол: «Меня не пустят, что мне делать, у меня только один ордер, я же должна его следователю отдать». Я говорю: «Ты отдай этим, следователю выпишем другой». Но как? Нам в спецчасти прочли длинную лекцию о том, что все-таки нужно разрешение. Я говорю: «Что же тогда вы мне выдаете спокойно, без всяких разрешений?» — «Ну, вам мы уже дали, менять не будем, а вот ей не дадим больше». То есть вот все эти отголоски, сопротивление продолжается.

Если вы зайдете в «Матросскую тишину» (я не знаю, там месяца три не был, может быть, что-то изменилось), там до сих пор, я помню, как выводные ведут одну группу обвиняемых туда, другую — обратно, и каждый ключом вот такой длины стучит по стенке. Откуда это пришло, что это за традиция? Это еще в 1937-м и последующие годы они стучали по стенке, чтобы встречные, когда ведут, своего поставили к стенке, чтобы он не увидел другого. Уже давно не те годы, уже давно они их стаями водят по 20 человек почти, встречаются эти компании, обнимаются друг с другом, а традиция осталась, они себя внутренне до сих пор ощущают как вертухаи той поры. Уже другое ведомство, уже Минюст, а не МВД, а все равно. Потому что в целом в государстве атмосфера нравственная не изменилась, к нам ко всем продолжают относиться, мягко говоря, не по-людски.

Что еще считаю нужным добавить? Мы все радовались, когда у нас появились по новому УПК такая возможность, как обжалование в суд любых действий следователя, появился судебный арест, судебный порядок получения санкции на обыск и т.д. Я с самого начала этой эйфории не разделял. Скажу сразу — я стараюсь не жаловаться в суд. Почему? Потому что, к сожалению, такое же отношение к людям характерно и для судов. То, что происходит в судах, на самом деле это профанация судопроизводства, нормального судебного рассмотрения. На сегодняшний день, если я жалуюсь по прокурорской линии, то там ступенек бесчисленное множество: прокурор отдела, зам. начальника, начальник, заместитель прокурора области, прокурор области, прокурор отдела Генпрокуратуры и так далее. Но иног-

да до Генпрокурора можно подобраться. Глядишь — на какой-то ступеньке кто-нибудь внемлет, снизойдет и с тобой согласится. Когда ты идешь в суд, суд в 99% случаев отвечает тебе отказом, а прокурор и следователь, получая этот отказ, бегают с ним как со знаменем и говорят: «А у меня все законно». И попробуй этот отказ изменить, попробуй чего-то добиться, потому что дальше уже механизм исправления судебных ошибок по уголовным, да и по гражданским делам абсолютно сломан. Почти никогда кассационные коллеги, если нет каких-то привходящих обстоятельств, не отменяют, не изменяют решение приговоров, определений судов первой инстанции. Они считают, что все там правильно. На все мои доводы они отвечают одной фразой: «Все это судом исследовалось, судом дана этому оценка. Как суд оценил, пусть так и будет». Нонсенс. Я как раз и жалуюсь на то, что суд неправильно оценил, а мне говорят, что он уже оценил, не лезь. Я жалуюсь дальше в порядке надзора. На всех ступенях этой славной системы мне отвечают одно и то же. Все мои доводы, мои жалобы вообще никто не учитывает. Кассационная коллегия отвечает то, что я сейчас сказал, что суд, мол, уже дал оценку. А надзорная инстанция вообще издевается.

Самый яркий случай у меня был. Я обжалую в порядке надзора приговор областного суда и кассационное определение судебной коллегии Верховного суда. Я получаю надзорное постановление судьи Верховного суда, которым он отказывает мне одной фразой. Там было двенадцать доводов самых разных. И одна фраза, один мотив: все доводы жалобы были предметом рассмотрения Верховного суда при кассационном разбирательстве дела. Прелесть в том, что я же в порядке надзора обращаюсь. Тоже ведь не вчера родился. Половина доводов о том, как кассационная коллегия нарушала закон. Естественно, эти доводы в кассации они рассматривать не могли.

Но «фишка» состоит в том, что надзорное постановление было вынесено судьей Верховного суда, который был судьей-докладчиком в кассации, то есть он сам на себя рассмотрел жалобу. Совершенное безобразие. Единственный нашелся хороший человек депутат Госдумы, который товарищу Лебедеву послал письмо вежливое: «Как же так, адвокат правду говорит, что ваши судьи рассматривают жалобы на самих себя?» Дальше по УПК один только вариант. Если это постановление незаконно, председатель или заместитель должны его отменить и направить дело в суд надзорной инстанции. Третьего нет в УПК. Вместо всех этих

отмен и т.д. я вдруг получаю еще одно надзорное постановление как две капли воды похожее на первое, только другой судья вынес. И тут у меня вообще недоумение. Или то постановление никто не отменял, тогда откуда новое? Или его отменили, тогда почему не послали? Вот как относятся они к адвокатам. Не только я знаю этих людей многих лично, но и меня знают. Лебедева, его зама и т.д. Вот если ко мне они так относятся, то как же относятся они к молодому адвокату, который только вчера стал адвокатом, а сегодня пришел в Верховный суд. Сегодня у них личный прием упразднен, дальше экспедиции никого не пускают вообще. Он же никуда вообще не дожалуется. Я из принципа не использую свои какие-то знакомства, не иду ни к Лебедеву, ни к кому, не хочу унижаться. Но как вообще должен чувствовать себя вновь попавший в адвокатуру юрист? Когда ничего никуда? Со мной не хотят разговаривать, так с ним тем более.

Вот что творится у нас в судах и почему наши упования на новые порядки в УПК, новации и достижения какие-то совершенно пусты.

И как апофеоз нежелания с нами разговаривать, видеть в нас равноправных участников... По нашей Конституции мы с государством равноправны: гражданин и государство могут судиться друг с другом. Так вот по поводу того, что УПК не обязывает ни один суд, ни одного прокурора отвечать мне по доводам жалобы, я обратился в Конституционный суд. И не только я. Человек 10, если не больше, адвокатов, по этому вопросу обратились в Конституционный суд. Некоторым Конституционный суд, секретариат уже ответил, что, дескать, вы не правы, товарищи, не нужно тут Конституционному суду вмешиваться, мы уже один раз дали разъяснение. Действительно, я сейчас скажу об этом. Я до сих пор вообще ничего не получил. Дважды связывался с аппаратом их, мне все обещают, но ничего не дают. То есть, и Конституционный суд уже не очень хочет с нами разговаривать.

А что касается того определения, по-моему, оно даже дополнительная иллюстрация к тому, что я только что говорил.

В июне прошлого года по жалобе моего подзащитного Воскресова Конституционный суд вынес определение как раз по поводу того, что УПК не содержит норм, обязывающих отвечать на мои жалобы по существу. Они там написали, что Конституции УПК не противоречит, потому что он не мешает отвечать на доводы жалобы. Но УПК только в том случае не про-

тиворечит, если его понимать так, что его нормы не освобождают от обязанности отвечать и т.д. Вроде нормально все, их толкование обязательно для всех судов, и приложив это определение Конституционного суда, я отправил жалобу в Верховный суд. И как раз на эту жалобу вместе с конституционным определением я и получил свое надзорное определение, где мне все было сказано. То есть им и на Конституционный суд, грубо говоря, наплевать. И на наши интересы. Ходи ты в Конституционный суд, не ходи. Остается уповать на Европу. Но в Европейском суде столь длительная...

Сегодня в «Новой газете» есть материал — они сегодня завалены таким количеством жалоб из России, они не могут их переварить. Не только российскими. Недавно в одном из номеров бюллетеня я вычитал: удовлетворили жалобу. Четыре года рассматривали. Что, будет легко Воскресову от того, что четыре года его жалобу будут рассматривать? Его через полтора года и так выпускать должны. Мы попали в совершенный коллапс. И как у нас общество сглотнуло спокойно безобразный УПК, так оно сглотнуло сейчас поправки к закону об адвокатуре, ужасному, по которому все съезды, конференции адвокатские вообще, начисто лишены своих полномочий. Мы не будем выбирать новый состав совета. На самом деле там ротация должна быть, президент предлагает съезду новые кандидатуры, а съезд может согласиться или нет. Как президент губернаторов сейчас выбирает. И опять все сглотнули, и адвокаты сглотнули. Мы не смотрим на нашу Думу, не смотрим, кого выбираем и не следим за ней. Сюда сперва надо атаковать. А что сейчас этот ГУИН? Надо, конечно. Но ГУИН же тоже... Закон есть, они его выполняют. Плохой закон. Сюда надо бить. До тех пор пока наши депутаты ходят в оперу, а потом собираются слушать еще, как там, какая аранжировка, какая музыка и какое либретто, до тех пор пока этот сумасшедший дом существует на Охотном ряду, ничего в стране не изменится. Давайте сегодня организуем поход оперных артистов в Думу, пусть они посмотрят, как там принимают законы и потом они свои отзывы напишут. Пусть отзывы граждан о том, как работает Дума, скажутся во время голосования. Об этом сейчас надо думать.

Ответ на реплику С.Д. Замошкина (общественная организация «Антипроизвол»):

Сергей Дмитриевич, много есть адвокатов достаточно опытных и энергичных, которые изверились. Но, с другой стороны,

у меня тоже иногда руки опускаются — и все. Но если подходить разумно, если люди выбрали себе работу по душе, по своему настрою, то бросать ее нельзя. Надо исходить из того, из чего исходит врач, который не бросает безнадежного больного. Как он может называться врачом, если он бросит человека, который послезавтра все равно, помогай — не помогай, болезнь такая. Так и мы должны к этому подходить. Общество сегодня очень тяжело больно.

СОКИРКО В.: С 1989 года я возглавлял организацию «Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод». В 2002 году она была закрыта решением московского Люблинского суда по придирам управления Министерства юстиции. Но это не важно. Важно, что я, уже пенсионер, продолжаю вместе со своей супругой по тому делу работать, получаю письма от заключенных, в том числе и от «пожизненников». Часто советуюсь по этой теме с Ириной Семеновной Котовой, руководителем организации, которая стала организатором нашего семинара. Ее работа нужна очень многим людям, интересами которых мы сейчас озабочены, так называемыми пожизненниками.

Мне приходилось читать эти письма. Они тяжелы, потому что большинство людей, которые их писали, действительно верят в то, что они невиновны или осуждены неправильно, не к той мере наказания. И мне не с чем выступить кроме одного пожелания работе семинара. Чтобы оно окончилось внятным решением, обращенным к власти. Поскольку здесь такие люди, как Памфилова или Алексеева, у которых выход есть на Президента. Если будет документ, где внятно перечислено, что именно надо сделать с такой больной темой, как наши граждане, осужденные на пожизненное заключение, как им помочь, то даже, если нынешний президент не воспримет это, то будет документ, обращенный к его преемнику. Во всяком случае, общество должно внятно выразить свое мнение: чтобы была программа, чего надо добиваться.

Мое личное мнение по этому поводу. Очень правильно, и я сам поддерживаю это мнение о том, почему нужен мораторий на смертную казнь. — Главным образом из-за судебных ошибок. Пока наши суды и следствие работают столь плохо и столь ненадежно, мы тем самым допускаем, что нужно убивать, а потом не каяться, а просто забывать о том, что невиновны... Реабилитировать их невозможно. Поэтому совершенно правильно, что сейчас хотя бы не стреляют в судебном порядке. По этой причине мы держим людей в пожизненном заключении, зная наверняка, что многие из них просто невиновны, а часть, и часть тоже немалая, виновна не на такой срок и должна быть освобождена намного быстрее, чем записано. Соответственно, общество должно выработать сейчас меры, реализующие эту практику.

Мое личное мнение — каждому, осужденному на пожизненное заключение, должно быть предоставлено право на новое

судебное разбирательство, если он не прошел суд присяжных, суд, с которым он, грубо говоря, был бы согласен, суд — правильно проведенный.

Как добиться этого? Есть разные основания, почему на самом деле многие из осужденных на пожизненное заключение неправильно осуждены. Они должны были быть осуждены не больше чем на 15 лет, и на это есть много разных причин. Они должны быть все сконцентрированы и внятно изложены для нашей власти.

А, в общем, все сводится к следующему: каждый «пожизненник» должен иметь право на то, чтобы им занялись независимые объективные люди: присяжные, и квалифицированные суды, может быть, из трех судей. И они должны вынести такое решение, чтобы он знал, что, даже если ему придется умереть, он все-таки осужден по совести. Это первое. И я уверен, что тогда проблема во многом решится.

Второе — это пожизненное заключение не может быть реально пожизненным. У человека всегда должна быть надежда, что если он ведет себя правильно, если он раскаялся, если он уверовал, если он переменял всю жизнь, то он будет иметь возможность увидеть своих близких и вернуться к жизни. Всегда надо помнить о разбойнике, который уверовал в Христа в последний момент своей жизни и стал рядом с Христом в той жизни. Этот образ должен быть всегда, должен видаться нашей власти, которая клянется в том, что она верующая. Пусть бы она лучше этого не делала, а поступала по христианской вере.

Думаю, что хорошо бы вернуть Комиссию по помилованию типа комиссии Приставкина, которая очень по-человечески этим занималась. Это были действительно достойные люди, великие писатели. Они тратили на это кучу времени и множество людей спасли от смерти.

Эта или такая же комиссия совестливая должна быть восстановлена, это просто мое предложение. И она должна решать вопрос, как миловать этих людей. Даже осужденных правильно, через суд присяжных, даже, если они виновны были. Были, но потом в ходе пребывания в этих условиях они должны знать, что через какое-то время, через 15 лет или половину срока, не знаю какой срок принять, их дела будут рассмотрены и проявлена к ним милость и справедливость. Потому что без такой милости...

Дело не только в этих людях. Они все связаны с обществом, через знакомых, через родных, через нас связаны. Мы читаем

их письма, слава Богу, хоть это им не запрещается. И мы транслируем всем остальным, что творится, как существуют эти люди сегодня. И это давит на все общество в целом. Желаю успеха конференции и правильных решений, которые, дай Бог, дойдут до власти.

ЧИКУНОВА Л.М.: У меня сын находится в данный момент на пожизненном заключении в городе Соль-Илецке.

Как это все получилось? Мы жили в Томской области, 140 км от города. Приехал к нам мальчик знакомый и говорит: «Можно я у вас поживу?» Он у нас пожил, потом они поехали с сыном в город. Поехали в город и попали к цыганам, которые торговали наркотиками. В ходе разговоров хозяин дома кинулся на них с ножом охотничьим, и им пришлось обороняться. Самооборона.

Во время самообороны у сына был обрез. Он его достал, этот обрез, и хотел их попугать, чтобы они их выпустили, дали выйти из дома. Но к цыганам так просто не зайдешь и уж тем более не выйдешь. И получилась такая история, что они этих цыган убили.

Двое цыган, которые там находились, находились в розыске и торговали наркотиками. Один цыган находился в розыске за изнасилование девочки, или девушки, а другой за торговлю наркотиками, только в другом городе.

Мой сын получил срок в 1999 году, это случилось все в декабре 1998, судили его в 1999 году, 10 сентября.

Когда шло следствие, следователь по особо важным делам, так как сын мой никогда не привлекался и не знал ни законов, ничего, уговорил его не настаивать на суде присяжных: «Алексей, ты соглашайся, я тебе часы подарю на день рожденья, ты соглашайся на обычный суд, тебе разницы нету, тебе все равно дадут 20 лет, по условно досрочному потом уйдешь, и все. Зачем тебе суд присяжных?» Моему сыну тогда было 22 года, а сейчас уже 29 лет, скоро будет семь лет как он сидит, и он подписал этот протокол, так как его следователь убедил, что ему не нужен суд присяжных. И так получилось, что он находится на пожизненном заключении.

А вообще я хочу сказать, что мой сын рос послушным ребенком. Он единственный ребенок. Никаких огорчений мне не доставлял, был добрый и к соседям добрый, мы в селе жили, и соседи из села писали тоже ходатайство, пока шло следствие. Мы все надеялись, что вот будет суд, и учтут, что парень хороший, работающий и ни к чему никогда не привлекался, и все будет хорошо.

Но вот наступил день суда, и сыну присудили вот такой срок. Такой срок очень тяжело вынести тому, кто никогда не сталкивался ни с какой стороны с судом. Столкнулись мы с этим, с такой трагедией. Когда шло следствие, сын оказывал содействие в раскрытии этого преступления, написал явку с повинной, не скрывал никаких событий того рокового дня. Это судом не бы-

ло учтено. Судом вообще ничего не было учтено, ни ходатайство, ничего.

И вот сын сейчас наказание отбывает в Соль-Илецке. Я навещаю сына по его месту отбывания срока. От работников колонии известно, что он не имеет ни одного нарушения, семь лет ни одного нарушения. Понимаете, ведь не каждый человек сможет, чтобы к кому-то претензии не иметь. А это все-таки колония строгого режима, и, тем не менее, сын мой не имеет никаких порицаний. Ни одного изолятора. И еще плюс ко всему этому он получил благодарность в том году за то, что он работает. Он делает поделки из хлеба, он как-то его сушит, ушивает, не знаю как, тем не менее его сувениры пользуются спросом и где-то в Соль-Илецке продаются по 50 рублей. Нам их не продают, эти сувениры, я просила, чтобы начальник колонии разрешил купить сувениры, может быть, я бы принесла и сюда, но не разрешают.

Хочу сказать, что это очень тяжело. Представляете, в 22 года ты не знаешь, что это такое тюрьма и попасть в эту тюрьму, и 7 лет он находится там. За это время и я, и тетя его, которая здесь тоже присутствует, мы к нему ездим постоянно, и только просим Бога, чтобы он ему помог, чтобы когда-то с мертвой точки это пожизненное убралось.

Ладно, если бы он был маньяк или террорист, который взрывает электрички с мирными жителями или дома. Это понятно. Но не должно быть такое жестокое наказание. Мы обращались и самостоятельно, и нанимали адвокатов...

Получилась в том году такая история. Сын написал в начале года в кассационный суд, чтобы рассмотрели его дело. А ему ответили, что нет, вас судили законно, ничего пересмотреть невозможно, типа того, успокойтесь, сидите ровно. Мы тут нашли адвоката, заплатили гонорар и все что положено, адвокат составил жалобу. Отправили эту жалобу в кассационный суд. А суд кассационный отвечает: «Так как мы уже рассмотрели жалобу Чикунова, чего же вы еще присылаете?» И без всяких других доводов, аргументов отослали адвокату назад его жалобу. Так мы больше и не знаем.

На кассационный суд он подал жалобу. Его повезли в Томскую область, он тогда еще находился в изоляторе Томской области, так как мы родом оттуда. Его повезли спецвагоном, как полагаются, а я поехала сама. Приезжаем сюда, вечером я приехала 24 января, 25 мы пошли в адвокатуру города Чехова, взяли адвоката, заплатили гонорар, поехали туда, в кассационный суд.

А нам отвечает секретарь: «А дело уже рассмотрено и направлено назад в Томскую область, так что вы опоздали». То есть их за 5–10 минут осудили, оставили приговор без изменений, и человек сидит и ему никуда невозможно достучаться. И также мне. Я писала неоднократно материнскую жалобу на помилование сына. Мне отвечают: «Нужно обращаться вашему сыну, он же совершеннолетний, пусть он пишет». А ему отвечают, что у него все нормально и его осудили достойно». Спасибо.

(Отвечая на вопрос)

В Конституции написано, что человек, даже лишенный прав, должен регулярно гулять от часу до полутора на усмотрение администрации. Но так как там нету прогулочных двориков, они гуляют в неделю один раз и то, не как полагается час-полтора, а 10–15 минут, от силы полчаса. Поэтому вид очень бледный и больной, там летает палочка Коха, от которой болеет 40% там сидящих. Лечения никакого, зубы естественно только рвут, никто ничего там не лечит. В год им полагается одна посылка 20 кг и одна бандероль почтовая до 2 кг и все. Точка.

На свидании он сидит на железном стуле, руки назад, помимо того, что он и так в клетке сидит, нужно еще обязательно на железном стуле и руки вот так. Поэтому 4 часа, которые нам отводит учреждение, я не выдерживаю, потому что не могу. Даже, если бы он был мне не сын, а просто посторонний человек, я бы не смогла с этим человеком общаться, так как он совсем в других равновесиях, как люди должны находиться вообще...

К моему сыну относятся, слава Богу, хорошо. Но как к другим — очень плохо. Но это, наверное, везде так — к кому-то хорошо, к кому-то плохо. Но одно слово, что находиться там, даже пусть к тебе очень ласково, даже мать родная к тебе там будет хорошо относиться, — то это не дай Бог.

Питание. Здесь на свободе у людей не хватает денег на питание, а про какое питание можно говорить там. Это — во-первых.

Во-вторых, сегодня здесь задавался вопрос о смертной казни. Я хочу сказать, если бы я знала, что сын попадет в такую ситуацию, что он не как человек, вообще даже отсутствие слова «человек» — лучше смертная казнь. Это пережил бы человек один раз, — и я, и он отмучились бы, чем вот так все время просыпаться и думать, в каких он условиях? Это не дай Бог никому.

(Отвечая на вопрос)

Он молодец, он вообще оптимист... Но ему приходит один

отказ. Вот те бумаги, которые присылают мне, ему присылают, я их вместе дома складываю, они лежат. То есть если ему отказывает одна организация, он не сидит дальше, он начинает... Вот мужчина передо мной выступал — он им писал. И сегодня здесь не присутствует Ирина Семеновна Котова. Он им на протяжении многих лет пишет. То есть, человек не ломается. Но насколько его хватит, Бог знает.

НАСОНОВ С.А.: Тема моего выступления будет касаться двух вопросов. Европейских стандартов в сфере реализации права на устранение судебных ошибок и европейских стандартов в области защиты прав осужденных.

Сразу скажу, что оба эти вопроса очень объемны, и я затрону только основополагающие моменты, поскольку европейская практика, практика Европейского суда по этим вопросам очень объемна.

Я начну с первого вопроса. В тексте Европейской конвенции права на пересмотр приговоров и иных процессуальных решений мы не найдем. Это право гарантируется статьей 2 Протокола № 7 Европейской конвенции. И многочисленными прецедентными решениями Европейского Суда.

Ни для кого не секрет, что с 5 мая 1998 года Российская Федерация находится в сфере прецедентного права Европейского суда, и также всем известно, что многократно Верховный суд РФ указывал на необходимость учета правовых позиций Европейского суда. Многократно Конституционный суд РФ ссылался на эти позиции в своих решениях. И практика Европейского суда уже оказывает влияние на российское законодательство. Взять хотя бы ситуацию с применением мер пресечения, заключения под стражу.

Ряд решений Европейского суда, вынесенных в отношении РФ, побудил законодателя внести изменения в соответствующие статьи Процессуального кодекса, указав, например, что при принятии решения о заключении под стражу необходимо приводить конкретные фактические основания, являющиеся основаниями для заключения лица под стражу.

Но, как известно, в отношении России вынесено более 30 решений Европейского суда, вчера состоялось решение по делу «Рохлина против РФ». Европейский суд опять признал нарушенными 5 и 6 статьи Европейской конвенции. Поэтому в принципе можно говорить, что сам механизм обращения в Европейский суд является в какой-то степени механизмом устранения судебной ошибки, поскольку новый Процессуальный кодекс в числе новых обстоятельств, влекущих возобновление производства по делу, указывает на решение Европейского суда, в котором констатировано нарушение той или иной нормы конвенции.

Сразу хочу оговориться: безусловно, не любое решение Европейского суда будет способно явиться основанием отмены приговора или его изменения, поскольку нарушения Европейской

конвенции могут быть весьма многообразными. Например, если нарушено право на разумный срок судебного разбирательства, вряд ли это повлечет отмену приговора даже в случае возобновления производства по делу. Безусловно, лицо получит соответствующие компенсации, которые взысканы Европейским судом в этом решении, но говорить о том, что это повлечет в рамках нашей внутренней правовой системы именно отмену приговора или его изменение, не приходится.

Другое дело, когда Европейский суд констатирует нарушение тех норм Конвенции, которые свидетельствуют о неправоискусности приговора.

Например. Допустим, есть такое правило Европейского суда, согласно которому, одно из прецедентных правил или прав каждого подсудимого, которое состоит в том, чтобы суды при вынесении приговора не ссылались на доказательства, полученные с нарушением закона. В целом ряде решений Европейского суда, например, «Шенк против Швейцарии», «Дорсон против Нидерландов», сформулирована эта позиция.

Правда, Европейский суд делает оговорку. Он использует так называемый критерий «решающей степени». Если в приговоре суда недопустимое доказательство, доказательство, полученное с нарушением закона, в решающей степени положено в обоснование выводов суда, вот тогда Европейский суд исходит из того, что нарушена ст. 6 Конвенции, поскольку незаконное получение доказательств рассматривается им как несправедливое, и перенесение этих незаконных доказательств в судебное разбирательство в описательно-мотивировочную часть обвинительного приговора свидетельствует о том, что эта несправедливость и переносится в судебный процесс, тем самым, собственно, и нарушается право на справедливое судебное разбирательство.

В такой ситуации, если Европейский суд констатирует нарушение ст. 6 Конвенции, возобновление производства по уголовному делу, безусловно, способно повлечь отмену приговора и, соответственно, пересмотр этого дела с вынесением нового решения.

То же самое касается и ряда других моментов. Например, новый Процессуальный кодекс предусматривает такую меру безопасности свидетелей как дачу ими показаний в условиях, которые исключают возможность доступа сторон. По ходатайству стороны защиты, суд не может принять решение о раскрытии подлинных данных о личности свидетеля. Вот эта норма вызы-

вала в свое время много споров, когда она в Кодексе появилась. Безусловно, она гарантирует безопасность свидетелей, потерпевших, обеспечивает их участие в уголовном судопроизводстве. Но вместе с тем опять-таки существует некий стандарт Европейского суда. Поскольку при исследовании такого доказательства защита все-таки ставится в неравное положение по сравнению с обвинением: обвинение располагает подлинными данными по личности этого свидетеля, а защита такой информацией не располагает. И поэтому Европейский суд, например, в решении по делу «Костовски против Нидерландов» указал на то, что если в обвинительном приговоре суда будут в решающей степени выводы суда основаны на показаниях (он называет их так) анонимных свидетелей, то в такой ситуации нарушается 6 статья Европейской конвенции. И, соответственно, если исходить из нашего процессуального закона, это опять может влечь возобновление производства по делу, поскольку само обращение в Европейский суд следует уже после рассмотрения дела в суде второй инстанции, для того, чтобы решение стало окончательным и вступило в законную силу. Поэтому мне представляется, что вся огромная практика Европейского суда, касающаяся ст. 6 Европейской конвенции, гарантий прав на справедливое судебное разбирательство, которое в том числе включает в себя такие требования к процессуальным решениям, как требования мотивированности, все эти многочисленные прецеденты, касающиеся ст. 6, обеспечивают исправление судебных ошибок, допускаемых в российском судопроизводстве. Хотя бы в режиме возобновления дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам или в режиме надзора. Этот момент очень важен, и в нем проявляется практическое значение ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции. Поскольку это не только такой институт, который является неким ориентиром, а это достаточно эффективно работающий практический институт. Поскольку Европейский суд не является судом четвертой инстанции и не имеет возможности самостоятельно устранить судебную ошибку, но, тем не менее, констатация нарушений норм конвенции обеспечивает такое устранение в рамках нашей правовой системы.

Кстати, если говорить об оценке Европейским судом наших судебных инстанций, в частности, второй инстанции, надзорной инстанции, которые сами по себе являются механизмом и процессуальным механизмом устранения судебных ошибок, допускаемых при рассмотрении дела по существу, хотел бы отметить,

что Европейский суд весьма критически относится к российской надзорной инстанции. Но это связано с тем, что Европейский суд не рассматривает нашу надзорную инстанцию в качестве эффективного средства правовой защиты.

Долгое время был спор относительно рассмотрения дела в надзорном порядке по новому Процессуальному кодексу, в котором, как всем известно, участвует судья, выносящий постановление либо о возбуждении надзорного производства, либо от отказе в таком возбуждении. Вот этот спор был разрешен решением Европейского суда по делу о приемлемости жалобы Бердзанишвили против РФ. В этом решении Европейский суд совершенно четко отметил, что, несмотря на изменение процедуры надзорного пересмотра, несмотря на то, что теперь именно судья принимает решение о возбуждении производства и закон устанавливает сроки, в течение которых такое решение должно быть вынесено, и устанавливает возможность обжалования этого решения, вот, несмотря на все это, российский надзор не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты. Поскольку он не соответствует критерию эффективности и доступности. Поскольку сам гражданин, обращающийся с надзорной жалобой к тому или иному судье, в тот или иной президиум, не имеет возможности непосредственно, своей жалобой, возбудить процессуальное производство в президиуме того или иного суда. Или, например, в судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда. То есть не он инициирует это производство. Производство инициируется судьей, который, рассмотрев эту жалобу, обнаруживает те или иные основания для пересмотра в порядке надзора приговора или процессуального решения и возбуждает это производство. Но не гражданин.

Если между заявителем и тем судом, в который обращается заявитель, существует некий посредник, Европейский суд достаточно часто эту систему, эту процедуру не признает эффективным средством правовой защиты. Это в какой-то степени и явилось основанием решения в пользу РФ по делу «Никитин против России», поскольку в этом решении Европейский суд не установил нарушение норм Европейской конвенции в связи с рядом нарушений, по мнению заявителя, допущенных на надзорной стадии, именно по этой причине. Поскольку на надзорную стадию ст. 6 Европейской конвенции распространяться не может. По мнению Европейского суда, в принципе это не эффективное средство правовой защиты.

Совсем иначе Европейский суд оценивает суд второй инстанции: кассацию или апелляцию. Есть целый ряд решений Европейского суда, в которых совершенно категорически отмечается, что ст. 6 Европейской конвенции охватывает собой не только производство в суде первой инстанции, но и производство в суде второй инстанции. Можно назвать такие решения, как «Эгбатани против Швеции», «Аксен против Германии», «Манеллы Моррис против Соединенного Королевства». Таких решений огромное число. И Европейский суд не только рассматривает суд второй инстанции в качестве эффективного средства правовой защиты и не только исходит из того, что в значительной степени положения ст. 6 распространяются и на производство в суде второй инстанции. Он, более того, проводит параллель между первой и второй инстанциями, исходя из того, что если при рассмотрении дела в суде первой инстанции было допущено процессуальное нарушение, то оно вполне может быть устранено при рассмотрении дела в суде второй инстанции.

Я приведу пример, чтобы проиллюстрировать этот момент. Одно уголовное дело рассматривалось гарнизонным военным судом на территории воинской части. И, несмотря на то, что в соответствии с Процессуальным кодексом заседание по этому делу должно было проходить в открытом режиме, командир этой воинской части запретил прохождение на эту территорию близким родственникам подсудимого и его знакомым, в том числе и журналистам, которые хотели присутствовать на этом процессе. Оснований для проведения заседания в закрытой форме, исходя из материалов дела, не было. Соответственно и защитник, и подсудимый категорически возражали против таких действий, которые фактически ограничивают такое общее условие судебного разбирательства как гласность, не позволяя публике присутствовать на заседании. Но, тем не менее, эти доводы были отвергнуты председательствующим, и дело было рассмотрено в таком режиме.

В последующем состоялся кассационный пересмотр этого приговора в окружном военном суде, где опять в кассационной жалобе приводились ссылки на то, что судом при рассмотрении дела было грубо нарушено общее условие гласности. Это, по мнению подсудимого, осужденного уже к тому моменту, и защитника являлось существенным нарушением процессуального закона и основанием к отмене приговора. Окружной военный суд не усмотрел в этом нарушения закона.

В дальнейшем заявители в течение шести месяцев со дня вступления приговора в законную силу обратились в Европейский суд.

И они уже получили ответ комитета из трех судей Европейского суда, который признал их жалобу неприемлемой по критерию *ratione materii*, то есть предметному критерию обращения в Европейский суд. При этом было указано, что да, действительно, из материалов дела видно, что было нарушено такое важнейшее требование ст. 6 Европейской конвенции, как требование открытости, гласности судебного разбирательства. Это Европейский суд не оспаривал, это было видно из материалов дела. Но Европейский суд дальше провел очень интересную аналогию.

Рассмотрение дела в суде второй инстанции, в окружном районном суде, происходило в открытой форме. И поэтому все те же самые лица, которые не были допущены на рассмотрение дела в суде первой инстанции, могли вполне свободно присутствовать при рассмотрении этого дела в суде второй инстанции. Таким образом, по мнению Европейского суда, государство устранило допущенное процессуальное нарушение. Но вот мне кажется, что этот пример свидетельствует о том, что все-таки производство в суде второй инстанции, несмотря на то, что Европейский суд, как я уже говорил, подчеркивает, что допустимы ограничения в отношении этой процедуры, все-таки должно соответствовать по своим основным принципам, критериям рассмотрению дела в суде первой инстанции. И здесь действительно может быть проведена некая параллель. Вот хотя мне кажется, это решение является весьма спорным с той точки зрения, что Европейский суд, проводя параллель между первой и второй инстанцией, указывает на один критерий, при котором возможно такое сопоставление, возможно поставить знак равенства между рассмотрением дела по существу и пересмотром в кассационном порядке. Критерий этот состоит в том, что можно приравнять эти две процедуры друг к другу только в том случае, если стороны имеют те же самые процессуальные возможности в суде второй инстанции, что и в суде первой инстанции. Но я думаю, что ни для кого не секрет, если мы сопоставим объем прав того же самого обвиняемого, который в судебном разбирательстве является подсудимым, а в суде второй инстанции является осужденным или оправданным, вот, если мы сопоставим круг тех процессуальных возможностей, которые он имеет в суде первой инстанции и которые он имеет в суде второй инстанции, мы увидим с очевидностью, что здесь знака равенства быть не может.

Наша кассация, и эти положения закреплены в процессуальном кодексе, крайне сильно отличается от рассмотрения дела в суде первой инстанции. Да, действительно, апелляция в силу

особенностей этой процедуры, осуществляется по тем же правилам. Что же касается кассационного производства, мне представляется, что такого знака равенства ставить нельзя. Здесь, возможно, есть некое ошибочное понимание Европейским судом сущности российской кассации, что следует из таких решений, о которых я говорил выше.

Европейский суд сам по себе является достаточно эффективным средством устранения судебных ошибок. Хотя неправильно обращаться в Европейский суд, как это делает, к сожалению, большая часть российских заявителей, обращаться туда, рассматривая его как ту инстанцию, которая способна устранить «неправильное» решение. Например, решение, которое является необоснованным по мнению заявителей. Европейский суд такие жалобы оставляет без рассмотрения, поскольку он не рассматривает себя в качестве суда четвертой инстанции. Он только проверяет соответствие того или иного процессуального решения процедуре, требованиям Европейской конвенции. Но не проверяет эти решения на предмет правильности, соответствия внутреннему законодательству, если в целом говорить о таком принципе. Эта тема обширная, тут можно рассказывать очень много.

Что касается второго вопроса. Европейские стандарты в области защиты прав осужденных. Эти стандарты условно можно тоже разделить на несколько групп.

Во-первых, это стандарты, которые связаны с условиями содержания осужденных, с условиями отбывания ими наказания. Как известно, Европейский суд опять-таки здесь приоритет отдает государству, его внутреннему законодательству, в котором должны быть закреплены, сформулированы основные правила, положения содержания осужденных в местах лишения свободы, в том числе и тех лиц, которые осуждены к пожизненному лишению свободы, о чем вчера подробно и интересно здесь говорили.

Вместе с тем Европейский суд не отдает абсолютного приоритета внутреннему праву государства. Он исходит из того, что, несмотря на все те ограничения, которые могут содержаться в национальном законодательстве государства, тем не менее, эти условия не должны быть пыточными. Они не должны превращаться в то, что Европейский суд понимает под термином пытка, исходя из одноименной Конвенции.

По этой причине, если эти ограничения не являются оправданными, если они являются избыточными, если они тем более выходят за рамки тех ограничений, которые предусмотрены

внутренним законодательством, Европейский суд такого рода меры, применяемые к лицу при исполнении наказания, может рассматривать как нарушение ст. 3 Конвенции, в отдельных случаях даже ст. 2, если это повлекло, например, смерть лица.

Не секрет, что большая часть лиц, которые осуждены, а тем более к ПЛС, они жалуются на определенные условия содержания их под стражей, на то, что не соблюдаются в первую очередь нормы внутреннего российского права. Мне представляется это очень важной проблемой, здесь вполне может быть на каком-то этапе поставлен вопрос о нарушении, в том числе и норм Европейской конвенции, если не говорить о целом ряде других международных актов, которые гарантируют права осужденных, права лиц, содержащихся в местах отбывания наказания.

Я об этих стандартах подробно говорить не буду, поскольку наверняка будут еще выступления на эту тему, и вчера уже об этом говорилось. Я хотел бы остановиться на другой группе европейских стандартов, касающихся прав осужденных. А именно на тех правах осужденных, которые обеспечивают им смягчение наказания, обеспечивают возможность каким-то образом снизить то наказание, которое было им изначально назначено судом и установлено приговором. Если мы обратимся к самому тексту Европейской конвенции, норму, которая гарантирует осужденному право на это снижение наказания, право на помилование, если можно так сказать, мы не найдем. В Конституции, ст. 50, такое право есть, право просить о помиловании или смягчении наказания. В самом тексте Европейской конвенции такого права найти нельзя. Но вместе с тем об этом праве упоминается в уже названной мною ст. 3 Протокола № 7 Европейской конвенции. Оно не раскрывается там и упоминается лишь мельком как какая-то уже существующая данность в тех или иных государствах. Кроме того, есть рекомендация № 9412 Комитета Министров государствам-членам о независимости и эффективности роли судей.

В этой рекомендации отмечается, что в государствах должны приниматься решения об амнистии или помиловании, или по аналогичным вопросам, при наличии к тому оснований. Тоже такая неясная рекомендация.

Но, тем не менее, говорить о том, что это право существует, о том, что оно признается Европейским судом, можно. И основанием для такого утверждения может послужить также достаточно объемная практика Европейского суда. Причем, что интерес-

но, практика эта появилась вследствие отмены смертной казни в ряде государств-членов Совета Европы. В частности, когда в Великобритании смертная казнь была отменена, и стало довольно широко применяться пожизненное лишение свободы, о чем вчера уже говорилось, это вызвало впервые в практике Европейского суда обращение к этим проблемам и к правам лиц, которые осуждены пожизненно.

И что интересно, Европейский суд не распространяет на возможность обращения этих лиц с требованием, с заявлением, с ходатайством о помиловании, о смягчении наказания в соответствии с положениями ст. 6 Конвенции. То есть он считает, что здесь нельзя говорить о нарушении права на доступ к правосудию, в таких ситуациях. Очень интересно, что Европейский суд распространил положение ст. 5 на эти ситуации.

Как известно, ст. 5 ЕК устанавливает случаи законного содержания лиц под стражей. В том числе есть в ст. 5 один из таких случаев, это законное содержание лица под стражей на основании признания его виновным компетентным судом. Базируясь на этом положении, на том, что ст. 5 Конвенции обеспечивает законность содержания лица под стражей, в том числе и в случае осуждения, Европейский суд стал анализировать ситуации, связанные с правами заключенных к пожизненному лишению свободы. В двух словах, в чем состояла суть этой проблемы? Лица, которые были осуждены к пожизненному лишению свободы, обращались с ходатайствами о помиловании, но им в удовлетворении этих ходатайств безмотивно отказывалось, даже более того, не сообщалось о том, где, кто и когда такие ходатайства рассматривал, какие при этом материалы исследовались, и нередко порой не сообщалось итоговое решение. Если этого решения не было, это для заявителя означало, что его ходатайство отклонено. И ряд заявителей, лица, которые осуждены были к ПЛС, обратились в Европейский суд. Они указывали на нарушение ст. 6 Конвенции. В этой части их требования были Европейским судом отвергнуты, но вот в другой части, в которой они ссылались на нарушение ст. 5 Конвенции, их требования ЕС были в значительной степени удовлетворены.

Европейский суд сформулировал принцип, что само по себе содержание лица в местах лишения свободы на основании приговора суда, вступившего в законную силу, не презюмирует изначально законности этого содержания. По мнению ЕС должна быть причинная связь между содержанием лица под стражей в случае отбывания им наказания и причиной лишения его свободы. Вот

если эта связь ослабевает или вообще исчезает, то в такой ситуации дальнейшее содержание лица под стражей тоже можно рассматривать в качестве незаконного. Вот о чем идет речь.

Европейский суд отметил в ряде своих решений, наиболее известные из которых «Уикс против Соединенного Королевства», «ван Дрогенброк против Бельгии». Европейский суд указал на то, что по своей природе вещей человек подвержен определенным изменениям. Он изменяется во времени вследствие отбывания определенного наказания. И по этой причине, после того как какой-то промежуток времени проходит, вот эта причинная связь между осуждением лица и законностью его содержания может измениться. Иначе говоря, если произошли какие-то изменения с самим лицом, осужденным к пожизненному лишению свободы, то Европейский суд тут говорит о том, что может и нарушаться ст. 5 ЕК. И в этой связи Европейский суд в этих решениях указал на то, что раз существует такая позиция, то каждое лицо, которое осуждено к пожизненному лишению свободы, должно иметь право обращаться с соответствующим прошением, ходатайством о пересмотре оснований содержания его под стражей в этой ситуации, о пересмотре оснований назначения ему этого наказания.

Европейский суд сформулировал также и второй момент, согласно которому даже в случае пожизненного лишения лица свободы основания этого приговора должны периодически проверяться. Время от времени, как указал Европейский суд.

И третий момент, очень важный. Европейский суд указал на то, что те лица, которые осуждены к пожизненному лишению свободы, должны иметь право на доступ к суду. Для того чтобы суд мог проверить эту причинную связь, о которой говорилось выше.

По этой причине в тех случаях, когда эти ходатайства, эти прошения не рассматривались вовсе или они рассматривались по какой-то непонятной процедуре, Европейский суд признавал нарушенным параграф 4 ст. 5 Европейской конвенции. И параграф 1 ст. 5 Европейской конвенции.

Говоря о самой процедуре пересмотра судом, рассмотрения судом таких заявлений и таких ходатайств, как я уже сказал, Европейский суд отметил, что эта процедура не должна сопровождаться такими же гарантиями в обязательном порядке, как и рассмотрение дела по существу. Но вместе с тем есть ряд неких принципов этой процедуры.

Во-первых, это право на доступ именно к суду, не к какому-то органу, который не обладает признаками суда (в частности, не-

зависимостью от исполнительной власти), а именно к суду. Хотя Европейский суд термин «суд» употребляет в автономном значении, и далеко не всегда те органы, которые Европейский суд рассматривает в качестве суда, соответствуют нашему пониманию суда в контексте ст. 4 Федерального конституционного закона о судебной системе. Тем не менее, под судом понимается независимый орган, который, прежде всего, независим от исполнительной власти.

Во-вторых, Европейский суд указывает на то, что сам заявитель должен иметь возможность присутствовать на таких слушаниях, это его право. И чем существеннее является наказание, о смягчении которого просит заявитель, тем с большей вероятностью Европейский суд признает нарушение ст. 5 Конвенции, в том случае если сам заявитель не будет иметь возможность, как это говорится в ст. 5 Конвенции, иметь право быть заслушанным судьей лично.

И, наконец, в-третьих. Европейский суд исходит из того, что такая процедура должна предполагать исследование материалов, на которых основывает свою просьбу, свое обращение сам заявитель. Это могут быть какие-то документы, связанные, например, с состоянием здоровья, подтверждающие определенное поведение лица во время отбывания им наказания. И даже более того, по одному из дел Европейский суд указал, что такая ситуация может предполагать вызов и допрос свидетелей. То есть, эта процедура должна предполагать и такую возможность — выбор и допрос свидетелей. Вот именно такие позиции высказаны ЕС в отношении этого права. Повторюсь, есть очень большая практика и здесь крайне много вопросов и много моментов отмечено Европейским судом. Это основные моменты.

Если обратиться к нашему законодательству, то надо отметить, что нам правильнее говорить, наверное, не об институте помилования, а об институте условно досрочного освобождения (УДО). Как известно, этот институт может применяться и к пожизненно осужденным. И в этом плане эти положения нашего законодательства вполне соответствуют тем европейским стандартам, о которых я говорил. Есть, безусловно, в законе исключения в отношении ряда лиц, в частности, исключения в применении к ним УДО. Если, например, лицо совершило вновь в период отбывания пожизненного лишения свободы тяжкое или особо тяжкое преступление. Тем не менее, это исключение лишь исключение из общего правила о том, что такие лица могут подлежать условно досрочному освобождению. Вместе с тем возникает все-таки

вопрос о соответствии этой процедуры европейским стандартам. Мне представляется, что наибольшая проблемность связана с самой процедурой рассмотрения таких заявлений нашими российскими судами. Потому что если мы обратимся к ст. 399 Процессуального кодекса, мы увидим, что, во-первых, я бы сказал, что процедура судебного заседания на стадии исполнения приговора является, наверное, одной из наиболее проблемных процедур вообще в УПК, в принципе, если говорить об уровне регламентации процедуры на стадиях уголовного процесса. Здесь есть масса неточностей, неясностей. Если, например, задать таким простым вопросом. Может ли суд при рассмотрении такого заявления, например, допросить свидетеля? Будет ли это лицо давать показания? Или оно будет давать объяснения? И вообще можно ли говорить о доказывании применительно к решению вопроса об основаниях условно досрочного освобождения? Или нет? Ответы на эти вопросы четкие ст. 399 не дает, даже более того, как всем известно, допуск осужденного на участие в этой процедуре осуществляется по усмотрению суда. Как говорит закон, в том случае, если суд принимает решение об участии осужденного в судебном заседании, только в этой ситуации он может принимать участие. То же самое касается и участия адвоката. Вот является ли обязательным участие адвоката в этой процедуре? Тоже ответа на этот вопрос нет. Поэтому мне представляется, что здесь на каком-то этапе могут у РФ возникнуть сложности применительно и к тем лицам, которые осуждены пожизненно, и применительно ко всем остальным категориям осужденных именно в свете соблюдения этих стандартов Европейского суда о процедуре рассмотрения вопроса о смягчении наказания. Поскольку мне представляется, наш закон вряд ли соответствует в этой части такому критерию, как критерий правовой определенности, о котором многократно говорит Европейский суд. Потому что процедура этого пересмотра весьма и весьма неопределенна.

Кстати я бы хотел отметить, что Конституционный суд РФ, в какой-то степени положение ст. 399 процессуального кодекса, в особенности в последнее время начинает приводить в соответствие со стандартами Европейского суда. Например, 18 ноября 2004 года Конституционный суд РФ вынес два определения по жалобе Анчугова и по жалобе Гладкова. В этих определениях Конституционный суд РФ проверял соответствие Конституции тех положений ст. 399, в частности, ст. 397 процессуального кодекса, из которых, из буквального смысла этих статей сле-

довало, что в отдельных ситуациях инициировать процедуру судебного рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, например, вопроса об изменении вида исправительного учреждения. По буквальному смыслу закона такие вопросы инициируются только по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание. Заявители считали, что эта норма закона препятствует им самим, напрямую, обращаться в суд с такого рода заявлениями. Конституционный суд РФ, сославшись на свои правовые позиции по ряду дел рассмотренных, указал, что ни 399-я, ни 397-я статья в свете этих правовых позиций не создают препятствия напрямую осужденному обращаться в суд с ходатайством об изменении вида исправительного учреждения. Несмотря на то, что в законе говорится об обязательности представления органа, исполняющего наказание. Поэтому мне кажется, что это решение достаточно важное и оно действительно приближает в этой части процедуру рассмотрения этих заявлений к европейским стандартам.

Вчера в выступлении уполномоченного по правам человека Московской области звучала тема, связанная с проблемой доступа осужденного к материалам уголовного дела. Поскольку не секрет — установление в законе определенных формальных требований к надзорной жалобе делает попросту невозможным ее направление в вышестоящий суд, если у осужденного не будет копий процессуальных решений: копии приговора и копии определения суда второй инстанции. По этому поводу 14 октября 2004 года Конституционный суд РФ вынес определение. Он рассматривал именно тот вопрос, о котором вчера говорилось. И он указал на то, что ни одно положение процессуального кодекса не может быть истолковано в том контексте, что он препятствует осужденному получить копии этих документов и каким-то образом не получить доступа к этим материалам. Это я просто комментирую позицию председателя Московского областного суда Марасановой, о которой вчера говорил уполномоченный по правам человека, и которая считает, что в случае осуждения лицо уже не имеет права на доступ к материалам своего уголовного дела. Есть совершенно категорическая позиция КС РФ, из которой следует, что такое право осужденный имеет.

Поэтому, завершая свое выступление, я хотел бы сказать, что практика КС РФ в какой-то степени посредством толкования законов устраняет некоторые неясности в содержании его норм и тем самым приближает эти процедуры к стандартам Европейско-

го суда. Хотя до сих пор есть определенные противоречия между нашим законодательством и этими процедурами, но я надеюсь, что эти противоречия будут рано или поздно устранены. Спасибо.

Вопрос: Относительно копий документов, получаемых заключенными, осужденными. Допустим, они получают и копию приговора, и копию обвинительного заключения, но само уголовное дело до сих пор им не дают. Следует ли из этого постановления КС, что копию уголовного дела могут им дать?

НАСОНОВ С.А.: (отвечая на вопрос) Я приведу даже фразу из этого определения. Тут говорится: получение копий материалов уголовного дела. Тут говорится не о копии приговора и определения, а есть такая фраза «копии материалов уголовного дела в целом». Поэтому возникает тут, конечно, немножко другая проблема, но она связана скорее с обеспечением этого права. Поскольку, как известно, за выдачу копий взимается определенная пошлина и возникает проблема того, в каком режиме это будет реализовано со стороны того же осужденного. Но вот, если говорить о позиции, принципиально высказанной вчера в выступлении уполномоченного по правам человека Московской области, что председатель областного суда считает, что в принципе к этим материалам доступ не предусмотрен законом, я считаю, что здесь это определение КС эту ситуацию разъясняет.

КРАСИКОВ Ю.А.: Уважаемые коллеги! Я бы хотел начать выступление с того, чем закончил свое выступление наш уважаемый предыдущий оратор.

Итак, когда мы говорим об осужденных, то возникает очень много материальных вопросов. Не только процессов. Обратите внимание. Почему-то в последние годы процессу уголовному уделяется больше внимания. Если говорить даже о Европейском суде, то Европейский суд построил всю свою работу на проверке процессуальных актов и никогда не говорит о материальных, т.е. о правомерности осуждения лица. Что определяет правомерность осуждения с точки зрения, скажем, специалиста по уголовному праву, которым я являюсь?

Прежде всего, мы должны установить признаки того или иного деяния, которые описаны в законе в качестве того или иного вида преступления.

Итак, до сих пор у нас не понятно, как создаются уголовные законы. Начнем с того, что уголовный закон, который вдруг принимается, отражает ли он сущность социальных явлений, тех общественных отношений, которые необходимо охранять посредством уголовного законодательства? У меня очень часто возникают не то что сомнения, а мне кажется, что иногда эти законы появляются так — с печки свалилось что-то такое, и кто-то решил, что это непременно надо. Или просто надо показать инициативу законодательную, симулировать кому-то.

Вспомните хотя бы ст. 145. 145-я прим, которой не было, но в то время, когда не было, не платили людям деньги по 8 месяцев, по шесть, на Дальнем Востоке особенно. И до сих пор, когда она появилась, предусматривая ответственность до трех лет лишения свободы, тоже не платят.

Но, скажем, почему вдруг возникла такая необходимость, для чего? Вроде бы популистски звучит: а вот мы охраняем, так скажем, право на заработок каждого гражданина, это его конституционное право. На самом деле не охраняем, а напротив — предоставляем возможность эти деньги продавать за проценты. А продают их дорого: от 7 до 200% в зависимости от потребности.

Если бы не было этой статьи, то за должностное преступление мог бы отвечать тот же директор предприятия до 12 лет лишения свободы. Принимается статья об усилении ответственности за невыплату стипендий, зарплаты, пенсий и т.д. и предусматривается ответственность до трех лет лишения свободы. Еще два года назад у нас не было ни одного дела. И я помню, когда одно дело возникло в отношении директора совхоза

Краснодарского края. Нашли, что вот он, этот молодой человек 30 лет, не платит, и деньги уже кому-то отдал в ход под какие-то проценты и т.д. И он говорит: «Деньги лежат, я их не трогал, просто идет посевная, если я сейчас выплачу эти деньги, то никто не придет в поле, все будут пьянствовать». Когда проверили — оказалось, что действительно деньги лежат, вроде бы от него отвязались и дело уголовное прекратили. Но ведь тот, кто не платит по 8 месяцев, я вам прямо могу сказать, что он использует то же положение и, по существу, остается безнаказанным.

То же самое было у нас и раньше в хозяйственных преступлениях, примерно такая же статья была, которая говорила, что необходимо привлекать к ответственности за искажение отчетности в выполнении государственного плана. Никто никого не привлекал. Семь-восемь человек по Советскому Союзу привлекались в год, если они эти действия еще как-то сопрягали с хищением. А в чистом виде никто никого не привлекал. А если бы не было этой статьи? А звучал так закон: «Об усилении ответственности за искажение отчетности в выполнении государственного плана». А если бы не было? Отвечали бы до 12 лет за должностные преступления.

Итак, порою нам кажется, что мы гуманизируем законодательство, но в отношении кого? И для чего? Я бы сказал так, что в последние годы мне не кажется, что мы выделяем те общественные отношения, которые становятся наиболее ценными и которые, прежде всего, охраняют права граждан, как это обязывает Конституция. Права граждан действительно в данном случае надо охранять, но видимо, несколько иначе.

Во-первых, можно экономическими мерами воздействовать на этих директоров предприятий, на бухгалтеров, что им невыгодно будет продавать эти деньги на 8 месяцев кому-то. Есть такие меры экономического воздействия. Не нужны меры уголовного воздействия.

Итак, возвращаемся к осужденным. К чему ведет наш закон? Усиливает ли он ответственность или ослабляет? Если взять законодательство 2003 года, декабрьское, то вы увидите, что чуть ли не в каждой статье обязательно идет исправление УК, обязательно что-то ослабляется, чаще выбрасываются какие-то признаки того или иного преступления. Обратите внимание. Вдруг исчезли признаки, характеризующие опасность личности: неоднократность, повторность, специальный рецидив — вы их не найдете в УК. Есть множественность преступлений, которая присутствует в каждой стране, в каждом кодексе специальной главой.

Когда готовили проект УК, я сам писал проект именно этой главы, в том числе о множественности преступлений и множественности общественно опасных деяний. У нас не осталось ни одной статьи, которая — повторяю! — характеризовала бы множественность как именно опасность личности. Правильно это?

С одной стороны — да. Но так как отсутствует концептуальное начало нашего уголовного законодательства, то трудно понять, правильно это или неправильно.

Когда принимался УК, то ставился вопрос, и в том числе указ президента 1995 года был, о том, что необходимо всем научно-исследовательским институтам, всем учреждениям правоохранительных органов через год представить свои возможности по поводу концепции создания уголовного законодательства. Увы, никто не представил, в 1996 году Кодекс был как-то сформулирован, а в 1997 году 1 января вступил в действие.

В свое время, авторский коллектив, который начинал разрабатывать УК, проект УК, представил в журнале «Советское государство и право» свой проект концепции и отразил в нем идеи, что учение о преступлении должно быть построено на основе классической школы уголовного права. Что это значит? Прежде всего, необходимо отразить верховенство закона, который бы обеспечивал прежде всего охрану прав и интересов личности. Вместе с этим именно деяния, а не деятель должны быть критерием оценки того или иного поведения. Но когда речь идет о наказании, учение о наказании должно быть построено на современных учениях, исходя, прежде всего, из новой социальной защиты. В данном случае, когда речь идет о наказании, то надо отдать прерогативу оценке опасности лица.

Итак, мы говорим об осужденных, в частности, к пожизненному лишению свободы. Обратите внимание, Кодекс говорит, что лицо может быть представлено к условно досрочному освобождению. Для меня, например, нерешенный вопрос: «может быть» — это что? Факультативное право кого? Администрации, где он отбывает, суда по месту отбывания наказания или вообще, что это такое? Это не «может быть», а «должно быть представлено». И должны судебные органы рассматривать вопрос об условно досрочном освобождении по отбытии 25-летнего срока лишения свободы.

Но я, между нами говоря, не думаю, что это вопрос актуальный. 25 лет прожить в наших местах лишения свободы, по-моему, это все равно, что умереть заживо. Я еще такого не видел, чтобы кто-то вышел, после того как 25 лет провел в местах ли-

шения свободы. Наши места лишения свободы превратились в зоны опасные для жизни и здоровья человека. И мы все время забываем о том, что прежде всего мы лишаем человека свободы, но не жизни, и не ставим в опасность его здоровье. Но когда мы перенаселяем камеру, когда мы не даем тех гигиенических условий элементарных, которые обеспечивали бы ему его здоровье и изоляцию от инфекционных больных и т.д., то в данном случае мы поступаем просто негуманно по отношению к этим людям.

Итак, что такое пожизненное лишение свободы? Прежде всего, обратите внимание — это альтернатива смертной казни, которая у нас, слава богу, не применяется. Но если вспомнить, что еще до 1985 года она применялась реально, приговаривались до 900, до 800 человек в год, то, слава Богу, эти молодые люди теперь остаются живыми и здоровыми. Предполагается. Дай Бог, чтобы они были еще и здоровыми.

Это, конечно, большое достижение, что мы отказались, и есть у нас мораторий, хотя в законе вопрос о смертной казни остается нерешенным до сих пор. Как он будет решаться, вы слышите. Время от времени раздаются: «А вот давайте расстреляем этого террориста. А вот давайте расстреляем этого...» Сейчас в Беслане судят этого террориста, что он там сделал, мы еще не знаем, но уже каждый готов сказать, что надо расстрелять. Ну, хорошо, давайте вспомним, что Чезаре Декари говорил в 1764 году в трактате «Преступление и наказание». Я считаю, что умнее его еще никто ничего не сказал о наказании. Проверьте, если хотите. Все мысли, которые сегодня высказываются, это все было высказано этим гениальным 25-летним юношей, который окончил Римский университет и никогда не работал юристом, не имел юридической практики. Кстати, его считают идеологом Великой французской буржуазной революции, что он отрицал при жизни. Его считают родоначальником классического направления в уголовном праве. Итак, он говорил: «Что такое смертная казнь? Это война в государстве, объявленная личности. Только слабое государство воюет с личностью. Сильное государство вкладывает деньги на предупреждение тех преступлений, которые представляют опасность для общества и государства, и поэтому нет необходимости ему применять смертную казнь в отношении этих людей». Я считаю, что умнее ничего сказать нельзя. У нас же до сих пор отсутствует социальная программа, в бюджете вы не найдете ни одной строки, которая бы говорила, что надо обеспечить профилактику особо тяжких и тяжких

преступлений. А в структуре преступности как раз растет именно эта категория и уменьшается количество менее опасных преступлений, за счет которых очередной министр внутренних дел всегда и отчитывается, втирая нам очки, заявляя, что снижена преступность на 3%. Я помню, как Ельцин однажды так хорошо задал вопрос Куликову: «Скажите, а за счет каких снизилось?» И тут Куликов заерзал. «Что, за счет тяжких и особо тяжких?» — И Куликову пришлось признать: «Нет, за счет незначительных и средней тяжести».

Так вот, если государство не управляет тенденцией, не берет ее под свое начало, — скажем, «управление» преступностью, так назовем коротко, тяжкими и особо тяжкими преступлениями, — значит, в обществе что-то не очень хорошо сработано. Вот у нас, по-моему, не все хорошо сработано. То ли это специалистов не хватает где-то наверху, то ли им некогда заниматься, не пойму. Но, в общем-то, все пока идет не очень хорошо. Необходимо все время контролировать в первую очередь не общее количество преступности и ее снижение, а динамику тяжких и особо тяжких преступлений, особенно тех, за которые предусмотрена смертная казнь, в альтернативу к которой изобретено пожизненное лишение свободы.

Итак, возвращаюсь к проблеме смертной казни. В настоящее время отменено по данным ООН на моей памяти свыше 80 государств — членов ООН отменили уже смертную казнь. Но смотрите, что проходило, например, во Франции — почему отменили смертную казнь во Франции? Действительно, личность во Франции занимает ведущее место. О государстве вспоминают реже, чем о личности. Но вместе с тем совсем не этими началами руководствовалась и Франция, и та же Англия, и другие. Во Франции приговаривали к смертной казни, как правило, террористов, совсем немного, 56 человек в год. Статистика у них публиковалась всегда и публикуется сегодня. Так вот, допустим, президент, придя к власти на 7 лет, он накапливал, так скажем, смертников, приговоренных к смертной казни, ну человек 30, может быть, 40 за 7 лет, и, идя на второй срок президентских выборов, он всегда им объявлял помилование. Или заменял — там есть еще другая процедура, — скажем так, помиловал, и заменял пожизненным там или срочным лишением свободы. Для чего? Для того чтобы просто обеспечить себе политическое кредо. Он заявлял о своей гуманности. Родственники осужденных явно проголосуют за него. И их друзья тоже. Глядишь, все другие: аболиционисты, борцы против смертной казни, — тоже

встанут на его сторону. И когда боролись политические партии за отмену смертной казни, то они, прежде всего, боролись, учитывая то, что смертная казнь является предметом политической спекуляции. Поэтому говорить о том, что они очень уж гуманно поступили по отношению... Кстати, приговаривали, как правило, не французского происхождения людей. Как правило (я смотрел французскую статистику за 20 лет последних, до 1982), это были арабы, алжирцы, португальцы и т.д. Но не французы. Французы не попадали почему-то под гильотину.

Итак, это суть вопроса. Теперь дальше. Итак, они пребывают на каторге. Пожизненная каторга. Это под Марселем, я видел эти меловые горы, где они до сих пор как Жан Вольжан пилят там вручную эти камни для строительства домов. Но самое интересное, что у них существует специальный центр, который именно этих людей, в частности, как бы инспектирует по истечении некоторого периода отбытия наказания. Допустим, в течение пяти лет обязательно пожизненно осужденный проходит социальную такую проверку. То есть, он отсылается в центр, который находится недалеко от Парижа, где демограф его изучает в течение до шести месяцев. Демограф, социолог, юрист, психолог, психиатр и т.д. И конечно, полная медицинская диагностика. После этого дают заключение, что это лицо достойно того, чтобы его перевести на более легкий путь исправления. В отношении других, кто не приговорен к пожизненному, меняют режим лишения свободы. У них четыре таких ступени. Вот меняют после такого тестирования. Он получает или отказ мотивированный, или рекомендации к изменению режима. То же самое касается и пожизненно осужденных.

Вот в данном случае, смотрите, что происходит. Это общественный центр, если хотите. Он не государственный центр. Он существует на какие-то спонсорские взносы, общественных организаций. Центр дает рекомендацию. И эту рекомендацию правоохранительные органы не учесть не могут, это будет для них большой позор и скандал. Когда центр дает обоснованную рекомендацию по поводу изменения содержания, режима и т.д., то правоохранительные органы обязаны мотивировать свое решение в случае отказа, почему они не снижают уровень ему пребывания в тюрьме или режим. То есть, в данном случае я бы сказал, что это очень гуманно.

Что происходит у нас? Во-первых, у нас отсутствует какой-либо экспертный совет по уголовному праву. И если завтра вдруг кто-то там предложит, Жириновский тот же, дать всем автома-

ты и расстреливать на месте, или еще что-нибудь предложит — может пройти. Все может случиться. Так вот, мне бы хотелось, чтобы, прежде всего, создали какой-то у нас общественный совет по принятию законодательства. То, что касается и материального, и процессуального права.

Вот экспертный совет есть у нас. Но это орган, который, прежде всего, я бы сказал, дает советы, но не более того. А этот орган все-таки должен быть наделен какими-то функциями. Именно может быть, если мы создаем Общественную палату в Думе, то почему не создать при ней, допустим, общественные советы, которые бы проводили экспертизу законодательных актов, которые не могли бы просто без этих советов быть приняты?

ПОЛЯКОВА М.Ф.: *(реплика)* Такая идея обсуждалась в Думе, даже какая-то структура уже создавалась, но почему-то в связи с созданием Палаты все заморозилось.

КРАСИКОВ Ю.А.: Но это нужно. В конце концов появляются те самые непонятные законы и, более того, не вписываемые в концепцию, которой в общем-то и нет, той концепции, которую мы должны соблюдать.

Несколько слов о том, почему у нас правовая реформа не работает, особенно в области уголовного права? Она не должна работать. Она не могла работать. Почему? Потому что создавалось уголовное законодательство так поспешно...

Например, я могу вам открыть секрет. Кодекс, который принят в 1996 году, начал разрабатываться в конце 1991 года. Проект. Уже в начале 1994 года у нас его отняли и сказали, что надо показать, что наш президент Ельцин глубоко заинтересован и вообще работает над законодательством и давно не было серьезных актов.

Поясню, чтобы было понятно. В ФРГ 32-й год разрабатывается УК. Половина кодекса Наполеона, который был изменен в 1992 году во Франции, его называют «новый Уголовный кодекс», но это половина изменений кодекса Наполеона 1810 г. Так вот, его разрабатывала комиссия 27 лет, при этом каждый год комиссия собиралась по 2–3 раза в Страсбурге, обсуждала те или иные предложения, те или иные замечания и т.д. Смотрите, какие трудности создания уголовного законодательства.

Что такое уголовное законодательство в отличие от прочего законодательства? Оно не должно быть регулятивным, это законодательство. Оно должно выполнять охранительные функ-

ции. Что оно должно охранять? Наиболее ценные для общества отношения. Что такое преступление? Преступление, — это говорили еще Платон, Аристотель, а потом Маркс говорил, — посягает на условия существования общества. Условия чего? Условия, которые создаются из тех или иных выгодных и удобных обществу общественных отношений.

Итак, для того чтобы выявить те общественные отношения, которые на том или ином этапе выгодны или удобны, обратите внимание, необходимо их урегулировать другими нормами других отраслей права, но не уголовным правом, как это делается в тоталитарном режиме. Поэтому, прежде всего надо было создать хорошее регулятивное законодательство. Во-вторых, надо было изучить эффективность работы этого законодательства. Смотрите, что сделал Наполеон. В 1804 году принимает Гражданский кодекс, в 1806 году дополняет его Коммерческим кодексом. Оба проекта кодексов были представлены одновременно в 1804 годы — и гражданского и уголовного. И только в 1810-м Наполеон понял, что теперь пора принять охранительное законодательство. Вот оно до сих пор и работает, оно послужило, наверное, для 80% стран основой создания своего уголовного законодательства, даже колониям Англии, которые не имеют до сих пор своего законодательства. Египет, Индия, Афганистан и т.д. принимали уголовное законодательство после принятия кодекса Наполеона. То есть, это был фурор.

Я не хочу проводить прямой параллели. Но обратите внимание, где и кто начинал правовую реформу с принятия УК? Могу сказать. Первый — это Ленин, наш знаменитый Владимир Ильич. Что он сделал? Он просто-напросто отменил в 1917 году все царское уголовное законодательство. В 1918 году категорически запретил им пользоваться. До 1922 года страна жила без уголовного законодательства. В истории, наверное, больше и стран таких нет. Представьте себе, пять лет создаются революционные трибуналы, которые должны обеспечить революционную беззаконность. Я говорю так — не законность, а беззаконность, потому что им было велено привлекать к уголовной ответственности с учетом своих правотворческих возможностей. Законов не было. Вот так мы прожили. А в 1922 году принимается первый законодательный акт — не Гражданский кодекс, а принимается Уголовный кодекс. Где еще принимался УК, начиная правовую реформу? Могу сказать. Придя к власти, Гитлер сразу же заменил УК, Гражданский оставил. Придя к власти, Франко сразу же заменил УК. Придя к власти, Муссолини тоже

начал реформу с уголовного законодательства. Но когда люди приходили к власти для того, чтобы построить демократическое правовое государство, я повторяю, они начинали с реформы регулятивного законодательства. Почему? Предметом для возникновения уголовно-правовых отношений, в отличие от всех других отраслей права, являются нарушенные общественные отношения, урегулированные другими нормами права, но охраняемые нормами уголовного законодательства. Вот это всегда мы забываем. Поэтому, когда Дума принимает что-то вдруг, она забывает, что эти отношения либо не урегулированы, либо недостаточно урегулированы. Надо принять бюджетное законодательство, которого нет, еще не создано до конца гражданское законодательство, но уже существует полностью Уголовный кодекс 1997 года. Вот отсюда все эти недостатки и вылезают время от времени. Их стараются как-то подремонтировать, но ничего не получается. Каков прожект? Я думаю, что еще долго у нас не будет ни уголовного, ни уголовно-исполнительного законодательства, которое бы действительно обеспечило охрану тех выгодных и угодных общественных отношений, которые необходимы для того, чтобы существовало наше государство и общество.

Вопрос: Вы говорили о недостатках материального права. Я хотел бы на конкретном примере узнать ваше мнение. Является ли прогрессивным то, что убрали основной состав «хулиганство», оставили только квалифицированные составы? Является ли это прогрессивным — исключение из сферы уголовного права? Чтобы не притягивали за уши к преступлениям? Или это является отрицательным? Особенно это актуально в связи с последними событиями в Госдуме. Ваше мнение.

КРАСИКОВ Ю.А.: Надо сказать, что хулиганство у нас всегда было «в почете». Ему всегда уделялось больше внимания, чем чему бы то ни было.

Начнем издалека. Когда в 1966 году принимается Закон об усилении ответственности за хулиганство, могу сказать, что это тоже принималось для отвода глаз. Щелокову надо было увеличить число постовой службы, увеличить зарплату работникам МВД, вот и сказали, что хулиганство — самое опасное, школа всех опасных преступлений, и все сосредотачивалось на хулиганстве. На самом деле уже тогда имелся рост тяжких преступлений, в том числе корыстных убийств, уже в 1966 году были тенденции, то, что мы сегодня пожинаем.

Теперь мое отношение к действующему законодательству, к ст. 213 УК, которая сегодня существует. По существу ничего не отменили, и, более того, усилили ответственность за простое хулиганство, которое предусматривалось ч. 1 ст. 213.

Речь идет вот о чем. Представьте себе, что ранее хулиганство было сопряжено с причинением материального ущерба, либо с побоями, либо с угрозой причинения. Возьмите ст. 167 сегодня, в которую перенесли хулиганские побуждения уничтожения имущества. Итак, если речь идет о хулиганстве, оно всегда было сопряжено с оскорблением, унижением чести и достоинства как гражданина, так и общества. Так вот если, представьте себе, хулиган нападает сегодня. Я реальный пример привожу. Этот пример я, в качестве члена Консультативного совета Верховного суда, приводил в Верховном суде. Представьте, на женщину напали. Порвали на ней норковую шубу, избили и т.д. И так, привлекают хулигана за причинение легкого вреда здоровью и за уничтожение имущества. Правильно привлекают? Все правильно. Раньше бы привлекли по ч. 1 ст. 213 до двух лет. А теперь это ему стоило пять лет. Казалось бы — отменили, а на самом деле усилили вдвое ответственность в этом случае.

ЖУРАВСКИЙ В.И.: Знакома ли вам статистика содержания заключенных и осужденных в советский период? И сколько сейчас? С учетом того, что все эти республики...

КРАСИКОВ Ю.А.: Могу сказать. В советское время общее количество осужденных колебалось от 1,1 млн до 1,2 млн. Сейчас 820–830 тыс. Вопрос в том, что у нас их не стало меньше, а стало больше. И я бы сказал, что это в конечном счете не только отражение объективной действительности. Есть и субъективные причины, та неразбериха, которая существует в уголовном законодательстве.

Вот, представьте себе, в Англии, если на один месяц приговаривают, так это сенсация: человек осужден на 1 месяц. Мы говорим — шесть месяцев! Три месяца мало, на шесть месяцев надо посадить! Мы за кражу, за кражу первичную, причем совершенную в незначительных размерах, предусматриваем два года лишения свободы. Человек выплачивает все и вся, а после этого еще и... В конечном счете речь идет об уголовной политике, и это, конечно, вопрос отдельный. Но давайте Ходорковского возьмем, вопрос сегодняшнего дня.

Прокуратура затребовала 10 лет лишения свободы. У меня, прежде всего, возникает вопрос к защите. Милые мои, если он

не платил действительно с 1994 года налоги, лично не платил и не платил за фирму «ЮКОС» — там еще миллиарда два, а где вы были, наши органы, которым мы платим налоги, где фискальная организация, налоговая организация, налоговая полиция, разведка финансовая, что вы делали, милые мои? Когда я однажды, оплатив налоги, не доплатил к 100 тысячам 500 рублей, просто забыл там какой-то заработок незначительный, то мне прислали повестку, и я целый день там просидел в коридоре, меня гоняли и мучили, и пришлось писать вторую декларацию. Потом сказали, чтобы я пошел и заплатил, да потом принес квитанцию, вот тогда и отпустят. Это из-за 500 рублей. Я заплатил 1000, чтобы отвязались. А тут видите, миллионы они не видят.

Итак, если хотите, вопрос по «ЮКОСу», быть может, и не возник бы в уголовном праве, если бы он был хорошо урегулирован в налоговом законодательстве. Во-первых, я бы сказал, что здесь мы имеем, как это на Руси хорошо называли — необходимое соучастие двух лиц. Ходорковский, если будет признан виновным, я не знаю, это будет приговор суда, потом проверю. Но все равно он не может совершить один такое преступление. Вот говорят, что организованная группа, чуть ли не преступное сообщество. В любом государстве, даже если существует 5000 организованных преступных группировок, ни одна из них не может существовать без представителя силовых правоохранительных органов и государственных органов. Она рассыплется в этот же день. Грош ей цена. Это проверено со времен прошлого века.

(Отвечая на реплику.)

Система — это не юридическое понятие, это понятие философское, кибернетическое. Система — это не что иное как несколько элементов, образующих ее. Но эти элементы должны быть взаимосвязаны и взаимообуславливать друг друга. Система создана искусственно, эти элементы обуславливают друг друга, их перечень идет в определенном порядке, возможна их взаимозаменяемость. Более того, в период отбытия могут опять заменить более мягким и т.д., т.е. есть система. Вот эффективна ли эта система, работают ли все ее элементы? Могу сказать, что неэффективна, и придуманы такие наказания, которые не будут работать. Вот они не работают, арест, например. Они не работают, но обязательно должны заработать, хотя обязательные работы, может быть, и необходимы. Вот снег хотя бы чистить. Но не работают. Быть может, заработает.

Давайте, к Англии вернемся, — страна с хорошим опытом юридическим. Тем существуют два вида наказаний: тюремное заключение и штраф. Все, и они обходятся. Думаю, что если бы у нас было три-четыре работающих наказания, может быть, этого и хватило бы. Необходимо специалистов сделать, которые понимали бы суть этого наказания, которые бы обеспечивали это отбытие. И материально государство должно обеспечивать. Зайдите в Бутырку и увидите — Екатерина построила камеру на 30 человек, а там содержатся по 120. На одном соске, из которого течет чуть-чуть водичка — пойдешь, помойся, постирайся, да еще напейся из него. Вот откуда чесотка и другие инфекции.

ПЕРМИНОВ О.Г.: Ваше отношение к такой цели уголовного наказания как восстановление социальной справедливости.

КРАСИКОВ Ю.А.: Отвечу. Когда мы писали проект, этого не было. Это кто-то где-то написал. Мне приходилось комментировать, и, в частности, мне досталась написать комментарий к этой статье.

Итак, о чем идет речь? Если говорить о том, что наказание должно быть справедливым, то надо рассматривать два аспекта справедливости.

Во-первых, прежде всего, если мы отдаем прерогативу личности — на конституционном уровне этот вопрос решен, — то прежде всего должна быть опять-таки проявлена прерогатива личности, личности потерпевших. Прежде всего, наказание должно быть справедливым, оно должно удовлетворить потерпевшего своим объективным отражением того, что случилось. Если потерпевший не удовлетворен, то уже считать нельзя наказание справедливым.

А во-вторых, второй аспект — справедливость наказания, измерение ее должно исходить с точки зрения поведения самого осужденного. Но прерогатива должна отдаваться потерпевшему. Особенно, если преступление связано с посягательством на личность. Только так я могу объяснить. А вообще, справедливо или несправедливо... Уголовное право страдает одним недостатком, с которым все борются и никак не могут победить. Никто не победил. Это оценочные понятия. Еще Чезаре Декарри писал: «Я бы убрал все оценочные понятия и запретил бы суду осуществлять толкование уголовного закона. Суд должен буквально применить то, что записано в законе». Я с этим согласен, но то — фантастика, которая неосуществима. Исключить судеб-

ное мнение по поводу случившегося, судебное толкование, оценочные понятия — попробуйте! Я писал главу о конституционных правах граждан, об ответственности за посягательства на конституционные права. Во-первых, когда писали, никто из коллектива не хотел брать эту главу. Я был руководителем, взял ее и был уверен, что я напишу проект, который в Думе разломают вообще в дым. Что вы думаете? Это была единственная глава, где не было ни одной правки. Я понял, что она никому не нужна. Это — прежде всего. Также как при Сталине в Уголовном кодексе была статья об охране конституционных прав, но никто ее не применял. И сегодня, если вы найдете хотя бы одно уголовное дело, связанное с нарушением избирательных прав или других прав граждан, дайте мне почитать. Но их нет. А нарушают каждый день. Я в Думе читал лекции и обратился к слушателям: «Скажите, по-честному, чиновники, вы даете информацию посетителю правдивую, за которой он приходит и старается получить?» — «Ну, зачем это мы ему будем давать?» — «Но тогда, вы совершаете преступление в соответствии с этой главой, когда отказываете в даче информации. Человек может прийти и сказать, например, чтобы ему дали информацию по экологической ситуации того или иного района, где он хочет купить квартиру». Попробуйте, придите, поговорите.

Почему я начал с того, что социальная справедливость — это оценочное понятие? Если вы возьмете конституционное нарушение прав, то там везде идет речь о существенном ущербе. Вот мы хотели убрать оценочность и хотели формализовать — какие-либо последствия должны быть везде формализованы. Но ничего не получается. Вот, попробуйте где-то взять и убрать что-то. Или «значительный ущерб» попробуйте убрать в «краже». Один — бедный, у него одно пальто украли, а у другого — десять, мы скажем, что незначительный. Или так (я просто рассуждаю) в XIX веке обратились на «ты» к взрослому человеку. Это было оскорбление, повод вызвать на дуэль. Теперь сегодня. Я в Бауманском преподаю. Мне всего три раза студенты уступили возможность первым войти в дверь. Они открывают дверь и идут, а я стою. В XIX веке это был бы повод для серьезной обиды. Вот, пожалуйста. Социальный фон изменился, меняется содержание отношений. Меняется содержание оценочного понятия. И никогда мы не угонимся за этими оценочными понятиями, чтобы их формализовать.

МАТВЕЕВА А.А.: (Публикуется представленный автором письменный текст):

Длительное время в Российской Федерации обсуждается вопрос о необходимости осуществления криминологической экспертизы проектов федеральных законов. Однако до сих пор это не проводится, в том числе и в отношении уголовного законодательства, хотя обоснованность такой экспертизы очевидна. Криминология (во всяком случае, в нашем Отечестве) зародилась как наука, изучающая общество, социальные процессы детерминации преступности, личности преступника для более тщательной, объективной и научно обоснованной криминализации и пенализации уголовных деяний. Изучение личности преступника, выведение его так называемого статистического портрета должно служить для правильного и эффективного конструирования уголовно-правовых норм и мер ответственности за нарушение таковых.

Однако новеллы уголовного законодательства России последних лет свидетельствуют об отсутствии учета личностных особенностей преступников, общественной опасности их деяний.

Много негативного высказано и в средствах массовой информации, и на научных конференциях об изменениях в Уголовном кодексе РФ, внесенных в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 года. Новеллы знаменовали собой идеи либерализации отечественного уголовного законодательства, и действительно существенно изменили тяжесть уголовной ответственности для определенных групп населения. Вопрос — каких.

Традиционно в криминологии выделяется особый тип личности преступника — профессиональный преступник, рецидивист — иными словами, особо злостный, упорствующий в своих криминальных наклонностях и не желающий исправляться под мерами государственного принуждения. Из социологического направления в уголовное право пришла повышенная ответственность за совершение такими лицами второго и последующих преступлений. Учитывая то, что профессионализм более всего развит у корыстных преступников, ряд статей УК, предусматривающих ответственность за кражу, грабеж, разбой и т.п., до недавнего времени включали в себя особо квалифицирующий признак — совершение деяния «лицом, два или более раза судимым за хищение либо вымогательство». Деяние, совершенное таким лицом, каралось весьма серьезно. Даже за кражу, за наименее опасный вид хищения, предусматривалось наказание до 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Возможно, в данном случае

несколько страдал принцип *non bis in idem*, поскольку лицо несло повышенную ответственность за те деяния, за которые он уже наказания отбыл. Однако современное состояние преступности в России не дает оснований для подобных либеральных актов. Повторное совершение преступления учитывается при назначении наказания в сторону его усиления по законодательству многих стран. Например, в ст. 57 УК Японии говорится о том, что в таком случае к лицу может быть применено наказание, не превышающее удвоенного максимального срока лишения свободы. Срочное лишение свободы в Японии устанавливается на срок до 15 лет, суровое наказание к упорствующему в криминальных наклонностях лицу в данном случае очевидно. А криминогенная обстановка в Японии и России несопоставима.

Проводя изменения в Уголовный кодекс в декабре 2003 года, законодатель на этот раз был достаточно последователен. Существенной реформе подвергся и институт рецидива. Само понятие и его разновидности изменились не очень существенно, хотя и трансформировались в сторону либерализации. А вот назначение наказания при рецидиве преступления (ст. 68) преобразовались значительно, фактически нивелировав различные виды рецидива. Вкупе с отменой конфискации прослеживается логичная, осознанная и криминологически не обоснованная линия либерализации уголовного законодательства в части проявления профессиональной и рецидивной преступности и особенностей наказания за нее. Зато кардинальным образом изменилась статистическая картина преступности. На протяжении последних нескольких лет доля тяжких и особо тяжких преступлений в России составляла около 60 процентов (60,5 в 1998 году; 61,6 в 1999-м; 59,6 в 2001-м). По данным Информационного центра МВД, доля тяжких и особо тяжких преступлений в 2004 году была уже всего 32,4%. Такие же метаморфозы произошли и с показателями рецидивной преступности. Очевидно, что изменения эти вызваны реформированием ряда составов, и в первую очередь квалифицированных и особо квалифицированных в сфере экономики.

Через полгода вносятся новые, изменения в уголовное законодательство. На этот раз настрой законодателя был кардинально противоположным — в сторону усиления уголовной ответственности. Правда, затронул он только один состав — терроризм.

Терроризм стал одной из наиболее серьезных угроз безопасности современной России и мирового сообщества в целом. Признавая безусловный приоритет мер предупреждения и борьбы с этим самым бесчеловечным проявлением преступнос-

ти, встает, тем не менее вопрос о путях его реализации. В какой плоскости должна осуществляться эта борьба? В предупредительных мерах, осуществляемых спецслужбами и прочими государственными органами, борьбе с проявлениями коррупции со стороны сотрудников правоохранительных и других специализированных органов, способствовавших проникновению террористов, или в ужесточении уголовного законодательства в плане усиления ответственности за терроризм? 21 июля 2004 года был принят Федеральный закон № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации». В соответствии с этим законом существенно повышены санкции всех трех частей ст. 205, при этом за особо квалифицированный состав терроризма введено альтернативное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Пожизненное лишение свободы появилось в отечественном законодательстве в УК РСФСР в 1992 году. Статья 21, предусматривавшая виды наказаний, в качестве первого называла лишение свободы*, не разделяя его на срочное и пожизненное. При этом только в статье 24, где подробно характеризовался этот вид наказания, было указание на то, что «при замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено пожизненно». Таким образом, пожизненное лишение свободы не носило самостоятельный характер.

Новый Уголовный кодекс, вступивший в действие 1 января 1997 года, предусмотрел пожизненное лишение свободы в качестве самостоятельного вида в системе наказаний — ст. 44, п. «м» наряду с лишением свободы на определенный срок. Однако сложно было говорить о самостоятельном характере этого вида наказания, так как в статье 57, определявшей его природу и категорию лиц, которым оно не может быть назначено, указывалось на то, что «пожизненное лишение свободы устанавливается только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, и может назначаться в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь». В силу ст. 59 УК РФ и ст. 20 Конституции РФ пожизненное лишение свободы было включено в качестве альтернативы смертной казни за: ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах), 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля),

* Смертная казнь ввиду ее исключительности не входила в общий перечень наказаний. Ей была посвящена самостоятельная ст. 23.

295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и 357 (геноцид). Таким образом, мы видим, что все эти составы предусматривают в качестве своего обязательного последствия смерть человека, причем отношение к ней устанавливается только умышленное. В отдельных случаях понятие «посягательство», употребляемое законодателем в названии трех из пяти указанных выше статей, включает в себя и покушение на причинение смерти. Однако в данном случае при умышленной форме вины и совершении виновным целенаправленных действий смерть не наступает случайно, в силу обстоятельств, не зависящих от воли преступника и, таким образом, не влияющих на его общественную опасность. Количество приговоров, выносимых ежегодно и назначающих преступникам пожизненное лишение свободы, было невелико: в 1997 году к этому виду наказания было приговорено 16 человек, в 1998-м — 55, 1999-м — 75, 2000-м — 98, 2001-м — 128, 2002-м — 99.

Вопрос об эффективности суровых наказаний, к которым относятся лишение свободы на длительные сроки и пожизненное лишение свободы, весьма дискуссионен и выходит за рамки данного сообщения. Действительно, «пожизненное заключение ввергает в отчаяние; преступники становятся равнодушными к исправлению нравов и духу труда, их ум занимают лишь планы побега и бунта; и раз уж не сочли целесообразным лишить их жизни, зачем же делать ее невыносимой?»*. Сейчас пожизненное лишение свободы рассматривается как замена еще более жестокого наказания — смертной казни. Очевидно, до сих пор актуальны слова Мишеля Фуко: «...и хотя через столетие с небольшим ощущение очевидности тюрьмы как формы наказания преобразилось, оно не исчезло. Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит», чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»**. Учитывая фрагментарность, исключительность применения самой смертной казни, правовые основания для ее назначения — выполнение лицом особо опасного преступления против личности, пожизненное лишение свободы в качестве ее альтернативы вполне соответствовало принципам отечественного уголовного законодательства и коррелировало с зарубежной практикой.

* Цитата по: М. Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 180.

** Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 339.

25 июня 2004 года Государственная дума приняла Федеральный закон о внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса РФ. В соответствии с этим законом существенно усилена ответственность за терроризм. Наиболее суровое наказание было установлено за особо квалифицированный терроризм, ответственность за который установлена ч. 3 ст. 205 УК РФ. Теперь после летнего закона (а вступил он в действие с момента его официального опубликования — 26 июля 2004 года) за подобные деяния установлено наказание от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы. Однако терроризм относится к преступлениям, посягающим на общественную безопасность, а не на личность. Поэтому без изменения Общей части кодекса было невозможно распространить пожизненное лишение свободы на данный вид деяния. И законодатель этим же законом меняет и ст. 57, определявшую природу пожизненного лишения свободы. Отныне это наказание не рассматривается в качестве альтернативы смертной казни и может применяться также и за преступления, посягающие на общественную безопасность. Подобное действие законодателя представляется несколько поспешным и не вполне логичным. Действительно, терроризм представляет серьезную угрозу и ответственность за него должна быть адекватной. Однако следует отметить, что редакция диспозиции ст. 205 ч. 3 не включает в себя такие общественно опасные последствия, как гибель людей, в отношении которых имелся умысел. А все террористические акты последнего времени, совершенные на территории России, как раз характеризуются умыслом в отношении наступления смерти большого количества лиц гражданского населения. Конструкция уголовно-правовой нормы по законодательству Российской Федерации не предусматривает реального наступления тех последствий, опасность которых перечислена в статье (часть 1 ст. 205). «Терроризм будет оконченным преступлением с момента совершения взрыва, поджога или иных подобных действий либо с момента создания угрозы совершения указанных действий. Фактическое причинение физического вреда, имущественного ущерба и т.д. выходят за пределы основного состава терроризма и либо образуют признаки квалифицированных видов терроризма, либо квалифицируются по совокупности ст. 205 и соответствующих статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за эти деяния»* (выделено мной. — А.М.).

* Уголовное право России. Особенная часть в двух томах. Второй том.

Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2005. С. 7.

В соответствии с этим квалификация актов терроризма, причинивших умышленную смерть, происходит по совокупности с ч. 2 ст. 105, предусматривающей ответственность за квалифицированные виды убийства, в том числе двух и более лиц, общеопасным способом, с особой жестокостью и т.п. Санкция этой статьи как раз совершенно справедливо предусматривает суровое наказание, в том числе и в виде пожизненного лишения свободы. Назначая наказание по совокупности таких особо опасных преступлений, суд имеет весьма широкий диапазон для учета всех обстоятельств дела и вынесения справедливого наказания, в том числе и максимального на сегодняшний день. Сейчас получилось, что пожизненное лишение свободы предусматривается за деяние, к тяжким последствиям которого субъект относится неосторожно. Если цель законодателя состояла в усилении ответственности за терроризм, в увеличении охранительной, предупредительной функции уголовного закона, то в этом случае, как представляется, требовалось бы изменить и диспозицию ст. 205. А еще более обоснованным представляется первоначальное определение позиции законодателя в отношении смертной казни (исключения из кодекса вовсе либо ее наличия в нем) и затем определения соотношения смертной казни и пожизненного лишения свободы: как самостоятельных, независимых друг от друга (и, таким образом, не связанных положениями Конституции РФ) либо как все-таки альтернативных видов наказания.

Таким образом, нелогичные, не вызванные реальной обстановкой в России, не учитывающие личностные особенности субъектов преступления новеллы уголовного законодательства последних двух лет, свидетельствуют о том, что объективно требуются обязательная криминологическая да и просто правовая экспертиза законопроектов. Особенно законопроектов в области уголовного законодательства, которое предусматривает максимальную ответственность, существующую в области права.

ПЕРМИНОВ О.Г.: *(Публикуется представленный автором письменный текст):*

Известно, что в настоящее время организация противодействия преступности выдвинулась в число основных, первоочередных задач государства и общества. Разумеется, что государство предпринимало и предпринимает меры экономического, социального, правового, организационного и иного характера, направленные на сдерживание и минимизацию ее последствий.

Вместе с тем, в условиях противоречивого государственного и общественного развития, уголовная ответственность и наказание в нашей стране выступают чуть ли не единственным реально действующим средством борьбы с преступностью как в настоящее время, так и в обозримом будущем.

Однако уголовное наказание в сущности своей противоречивое явление. Сдерживая преступность, оно способно породить и порождает новые сложные проблемы. Это обуславливает необходимость разработки комплекса вопросов, связанных с повышением эффективности института наказания, уточнением его сущности, целей и задач, совершенствованием функционирования уголовно-исполнительной системы, уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Наказание выполняет роль средства борьбы с преступностью главным образом в стадии его реализации. Полагаем, что одним из факторов, позволяющих повысить эффективность наказания, может быть подход к этой его стадии как к самостоятельной, интегральной (целостной) системе, элементами (подсистемами) которой являются:

- а)** система уголовных наказаний;
- б)** система органов и учреждений, их реализующих;
- в)** система социальной реабилитации осужденных и отбывших наказание.

Такой подход позволяет по-новому, более целостно, комплексно подойти к разработке вопросов о системе уголовных наказаний, развития уголовно-исполнительной системы и ее отдельных элементов, организации исправительного воздействия на осужденных, уточнения понятийного аппарата и др. В рамках такого подхода повышаются возможности в выявлении новых форм и связей между элементами, уточнении целей, задач и элементов; и системы в целом, определения направлений и путей их развития, в уточнении критериев эффективности как отдельных элементов, так и всей системы.

Если говорить о развитии системы и видов наказаний, то необходимо отметить, что закрепленный в законодательстве перечень видов наказания нельзя в полной мере считать системным образованием поскольку не все виды уголовных наказаний введены в действие. Кроме того, отсутствуют некоторые системообразующие связи. Подчеркнем, что в специальной литературе перечень наказаний принято называть системой уголовных наказаний, однако законодатель этот термин не использует. На наш взгляд, систему наказаний следует определить как упорядоченную целостность взаимосвязанных и взаимосвязанных видов наказаний, установленных уголовным законом.

В русском дореволюционном уголовном праве перечень законодательно закрепленных наказаний называли «лестницей наказаний», подчеркивая, что каждый из видов является ее «ступенькой», что показывает взаимосвязь наказаний друг с другом*. Крупнейший отечественный ученый — Н.С. Таганцев под «лестницей наказаний» понимал «совокупность карательных мер... в их взаимном соподчинении и соотношении. Установление такой лестницы имеет существенное значение для законодателя и еще более для судьи. Первому такая лестница облегчает выбор наказаний для отдельных преступных деяний соответственно их значению для правового порядка, а для судьи она создает возможность исполнять возлагаемую на него законом обязанность соразмерять наказуемость с обстоятельствами отдельного преступления и со степенью преступности виновного, делая возможным переход от одного вида ил рода к другому»**.

Современные исследователи, отмечая удачность такого сравнения, считают, что, как и обычная лестница, система наказаний характеризуется весьма важной особенностью: расстояние между «ступеньками» должно быть примерно одинаково. По мнению А.С. Михлина, в уголовном законодательстве и на практике такое бывает не всегда, что существенно осложняет применение наказаний: если разница велика, образуется разрыв (вакуум), мешающий индивидуализации наказания. Это нередко ведет к применению более строгих мер, чем требовалось***.

С другой стороны, если расстояние между этими ступеньками невелико, то наказания по уровню кары существенно не отличаются друг от друга, и возникает конкуренция их видов, а

это затрудняет выбор наиболее справедливого наказания, что не способствует реализации его целей.

Следовательно, необходимо оптимальное расстояние между ступеньками, чтобы было удобнее пользоваться «лестницей». В системе же уголовных наказаний каждый вид должен занимать только ему принадлежащее место, быть достаточно самостоятельным и адекватным системе элементом, чтобы имелась возможность выбора наиболее справедливого наказания.

Продолжая сравнение системы наказаний с лестницей, следует заметить, что лестница может успешно выполнять свою роль и задачи только в том случае, если все ее заготовленные ступеньки (виды наказаний) прибиты к каркасу, а наказания действуют, т. е. реально исполняются.

Однако в ныне закрепленной системе (лестнице) наказаний из-за невведения трех видов наказания с самого начала образовался вакуум, который затрудняет выбор справедливого наказания, ограничивает применение принципа дифференциации и индивидуализации наказания, что отрицательно сказывается на эффективности этой системы, ее развитии.

Рассматривая вопрос о современной системе уголовных наказаний и ее развитии, нельзя не остановиться на пожизненном лишении свободы. Необходимо отметить, что данный институт имел место в Российском уголовном законодательстве и был восстановлен почти после 100-летнего перерыва. В ныне действующем уголовном законодательстве пожизненное лишение свободы является самостоятельным видом наказания.

Практика применения данного вида наказания, накопленная за эти годы, свидетельствует, что в его реализации имеется немало трудностей. Прежде всего, они обуславливаются контингентом осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, который крайне негативен по уголовно-правовым, социально-психологическим, психиатрическим, криминологическим и иным признакам. Много нерешенных проблем возникло по характеру и организации карательно-воспитательного процесса, привлечения осужденных к труду, при подготовке персонала исправительных учреждений, где исполняется пожизненное лишение свободы и др.

В целом же указанные сложности, нерешенные проблемы, учитывая состояние преступности в стране, ее динамику и структуру, дают все основания считать данный вид наказания необходимым элементом в системе наказаний. Кроме того, его

* Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. С. 71.

** Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. Тула. 2001. С. 124.

*** Наказание и исправление преступников. В., 1992. С.13.

наличие в системе обусловлено и введением моратория на смертную казнь, а в перспективе ее отмену.

Наличие научно обоснованной, целостной, стабильной и оптимальной системы уголовных наказаний, необходимо и для совершенствования судебной и пенитенциарной деятельности.

Сложность и многоплановость задач по реализации наказания делает необходимым привлечение к этому делу различных учреждений, органов и организаций. Впервые уголовно-исполнительное законодательство (ст. 16 УИК РФ) называет все эти учреждения, органы и организации и наделяет их определенными полномочиями по выполнению конкретных специфических для этой сферы задач.

Согласно ч. 14 ст. 16 УИК РФ наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в виде обязательных и исправительных работ, в виде ареста, ограничения и лишения свободы исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Наказания в виде штрафа, лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также в отношении военнослужащих исполняются учреждениями, органами и организациями, не являющимися учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Не определив понятия «уголовно-исполнительная система», кодекс по сути дела отсылает по этому вопросу к Закону РФ от 21 июля 1993г. «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы». В его преамбуле говорится, что настоящий закон «определяет основы деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и составляющих единую уголовно-исполнительную систему».

Из содержания закона следует, что «единая уголовно-исполнительная система» или как синоним, употребленный законодателем, «уголовно-исполнительная система» включает в себя три основных элемента или подсистемы: 1) учреждения, исполняющие наказания; 2) органы управления системой; 3) предприятия и учреждения, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы.

Нужно подчеркнуть, что закон от 21 июля 1993 г. рассматривает только вопросы функционирования уголовно-исполнительной системы МВД РФ, ныне переданной в Министерство юстиции России, которую нельзя назвать «единой уголовно-исполнительной системой», поскольку в последнюю должны быть

включены все учреждения, органы и организации, исполняющие уголовные наказания и требования приговора суда.

Законодательные противоречия и неточности породили за собой неточности и в литературе, в том числе в учебниках по соответствующей отрасли права. Так, в учебнике А.А. Игнатьева утверждается, что учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы, составляет единую уголовно-исполнительную систему*.

Как правило, в тех случаях, когда в литературе употребляются понятия «единая уголовно-исполнительная система» или «уголовно-исполнительная система», то рассматриваются вопросы функционирования уголовно-исполнительной системы Минюста РФ. Однако уголовные наказания исполняются учреждениями и органами других ведомств (суды, Министерство обороны и др.).

Поэтому в целях успешной реализации основных целей и задач уголовно-исполнительного законодательства, повышения эффективности деятельности всех учреждений и органов, реализующих наказания, улучшения их взаимодействия целесообразно ставить и решать вопросы о структуре и функционировании единой уголовно-исполнительной системы России.

Представляется, что под единой уголовно-исполнительной системой Российской Федерации следует понимать совокупность учреждений и органов, непосредственно исполняющих уголовные наказания и реализующих иные меры уголовно-правового воздействия, а также комплекс органов и организаций, обеспечивающих и содействующих эффективному исполнению уголовных наказаний.

Неотъемлемым элементом системы реализации уголовных наказаний (прежде всего связанных с изоляцией от общества) являются вопросы социальной реабилитации осужденных. Под таковой автор понимает процесс осуществления правовых, организационных, психолого-педагогических, медицинских, образовательных, трудовых и иных мер в целях оказания осужденным помощи в адаптации к условиям изоляции от общества, а в перспективе — к жизни в открытом обществе.

Данный процесс состоит из двух этапов: а) во время отбывания ими наказания в местах изоляции; б) после освобождения из этих мест.

Следует отметить, что если в период отбывания этот процесс как-то организован и управляем, то целостного института (сис-

* Игнатьев А.А. Уголовно-исполнительное право. Учебник. М.: Новый юрист., 1997. С.148.

темы) реабилитации обеспечиваемого успешную адаптацию освобожденных к жизни на свободе в стране, пока не существует.

В обществе еще нет должного понимания того, что проблемы этих граждан важны не только для них и исправительных учреждений, но и для государства и общества в целом, каждого региона в отдельности. Решению указанных проблем могло бы посодействовать принятие на федеральном уровне нормативных правовых актов (законов, программ по оказанию помощи освобожденным в их социальном, трудовом и бытовом обустройстве).

Необходимо также законодательное закрепление (устранение путаницы) в определении понятий: «социальная реабилитация осужденных», «социальная адаптация освобожденных», «реабилитация осужденных».

Итак, уголовное наказание, его реализация — реальное средство противодействия преступности. Но переоценивать его не следует и больше того, что оно может дать, требовать от него нельзя, поскольку наказание это прежде всего уголовно-правовой институт. Между тем завышенные требования к наказанию встречаются не только у простых граждан, но и у специалистов, как отечественных, так и зарубежных. Примером тому является периодическая постановка в литературе вопросов о кризисе наказания, ввиду его недостаточной эффективности в борьбе с преступностью.

Разумеется, что эффективность наказания как уголовно-правового института зависит от того, что заложено в этом законе. Но эта эффективность не в меньшей степени определяется и практикой применения закона, поскольку следует различать оптимальность правовой нормы и эффективность деятельности по ее применению. Поэтому вряд ли целесообразно вести речь о «кризисе наказания» как уголовно-правового института. Скорее всего этот «кризис» заключается в недостатках (просчетах) при выборе и реализации наказаний, в бессилии компетентных органов по обеспечению его неотвратимости, в просчетах уголовной и уголовно-исполнительной политики, несовершенстве деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

СОКОЛЬСКИЙ О.Э.: Основное направление нашего факультета гражданско-правовое. Многие из наших студентов будут, вероятно, работать в юридических службах и заниматься, прежде всего, гражданским правом. Но можно сказать, что все, что касается исправительной системы, уголовного права — оно касается всего общества.

Каким образом? Ну, это бывают такие трагические случаи. Два года назад у нас погиб студент — его убили. И я разговаривал с его приятелем, который был свидетелем на суде и спросил его о впечатлении. Он сказал, что это — другой мир. Там на суд пришли родственники обвиняемых пьяные и их спросили: «Какой у вас праздник сегодня? Ваших же детей судят».

Вот этот мир не отгорожен от нас никакой стеной.

Мой коллега, эмигрировавший в Америку, рассказывал, что его невестка получила подряд на проектирование медицинского изолятора для тюрем. Как объясняли американцы, у них оказались заключенные, которые были поражены туберкулезом, который вывели у нас в местах лишения свободы в Советском Союзе. Нечеловеческие условия содержания привели к появлению не поддающихся лекарственному излечению туберкулезных бактерий. В результате у них несколько здоровенных охранников, которых мы обычно видим в кино, умерли в результате контакта с больными заключенными. Вот та связь, которая влияет не только на наше общество, а уже на другие страны. Это первое.

Второе. Есть такие исследования, которые проводились в свое время в Норвегии, не знаю, проводили ли их у нас, которое показали, что содержание одного заключенного стоит столько же сколько обучение одного студента в университете. Бюджет ограничен в каждом обществе. Те средства, которые нужно затратить на образование, на медицину и на содержания заключенного... Вчера там показывали фильм и там назывались цифры, по-моему, пятьдесят рублей, это маленькая сумма, на питание, но там же надо содержать охрану и пр. и суммарно это больше. Это в Норвегии содержание стоит столько же, сколько и обучение в университете, а у нас это может быть и больше. Это то поле, где мы соприкасаемся как граждане, как плательщики налогов и пр.

И, третий вопрос, он — частный. Вот профессор Красиков сегодня выступал. Некоторые положения мне показались спорными. Он сказал, что уголовное право может действовать только в тех случаях, когда общественные отношения урегулированы

другими нормами законодательства, в том числе гражданского, административного. Но пример он привел по отношению к должностным преступлениям. Вообще говоря, мне кажется, что это не точно. Если брать нашу историю, как развивалось гражданское право в советское время, то этот первый гражданский кодекс, который был принят в 22 году, в период НЭПа. То, когда стали сворачивать НЭП, кодекс этот не отменили, его просто постепенно заменили уголовным законодательством. Если в 22-м году разрешалась организация торговых товариществ, свобода экономической деятельности, предпринимательства, то в 33-м году ввели норму о спекуляции, которая перечеркивала, говорила о том, что скупка и перепродажа с целью наживы является преступлением. И здесь вот как раз, как мне кажется, есть такие преступления в уголовном праве, которые не столько столетиями, тысячелетиями обкатаны составы, они базируются на основах человеческого общежития. Никакого регулирования нельзя... Возьмите убийства. Ну, можно вспомнить заповедь «не убий!». Какой регулирующий акт, чтобы не убивали людей? Грабеж, разбойные нападения — это уже частные вопросы, их надо обсуждать, но во всяком случае мы видим, что здесь в политике государства, в то или иное время, когда перемешивается уголовное законодательство и когда методами уголовного законодательства пытаются навести порядок в экономической сфере. Ни к чему хорошему это не приводит.

И в конце выступления, обращусь в присутствующем здесь студентам. Обращайте внимание на все отрасли законодательства, которые вы проходите, они одинаково важны.

СЕРДЮКОВ Н.В.: Мое выступление в большей степени будет касаться студентов. Я хотел затронуть такой вопрос. Вот сейчас вы посмотрели фильм. Почему одни сотрудники стараются соблюдать закон, другие — считают, что вполне можно нарушить. Откуда это идет? Откуда это существует в нашем обществе? Ведь сам по себе закон никогда не работает. Закон применяют люди. Они применяют его в соответствии со своим сознанием, в соответствии со своим воспитанием, той шкалой ценностей, которая сформировалась в человеке. В соответствии с этими критериями они действуют.

Вот, если мы сейчас будем рассматривать студенческую среду, то все вы по отдельности — хорошие люди. Но вы все по разному относитесь к той обязанности, которая у вас есть, т.е. обязанности приобретать знания. Просто так без работы знания вам автоматически не поступят. Вот вам пример. Вот так как люди относятся к занятиям, именно также они будут применять и законодательство, с какими-то нюансами небольшими.

Я хочу, чтобы вы прежде всего не думали о том, что выполняет закон тот, кто обладает какими-то особыми качествами. Вы просто посмотрите внутрь себя. Как вы относитесь к той обязанности, которая есть у вас. Начав с себя, вы постепенно измените отношение и в обществе. Начав с себя, вы измените ситуацию в обществе. И это касается и прав заключенных, и прав потерпевших

ИНШАКОВА М.С.: (Публикуется представленный автором письменный текст):

Соучастие в преступлениях со специальным составом является одной из малоисследованных и дискуссионных проблем.

В свою очередь, одним из аспектов учения о соучастии в преступлении является вопрос соучастия специальных и общих субъектов. Преступления, совершенные специальными субъектами, представляют повышенную опасность, так как вред специальным объектам, прежде всего, причиняется самими участниками специальных отношений «изнутри». Так, в 2001–2002 гг. в России зарегистрировано соответственно 2 968 255 и 2 526 305 преступлений, (не считая воинских), из которых 381 795 (13%) в 2001 г. были совершены специальными субъектами, а в 2002 г. теми же субъектами — 352 578 (14%) преступлений*. Не уменьшается и количество преступлений против военной службы как типичных преступлений со специальным составом.

Ряд преступлений в сфере специальных отношений имеет тенденцию роста. В 2001–2002 гг. в России зарегистрировано соответственно: экологических преступлений 17 303 и 21 420; преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — 26 463 и 27 381; некоторых преступлений против правосудия — 292 и 349 (ст. 303 УК РФ), 9 и 164 (ст. 305 УК) и др.

В современных условиях групповая, а в ее рамках организованная преступность своими вредоносностью и масштабами представляет серьезную угрозу личности, обществу и государству. Практически каждое пятое—шестое преступление в России совершаются в группе.

Заявленная проблема получила свое законодательное урегулирование лишь отчасти в ч. 4 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно данной норме, «лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника»**.

Изучение специального субъекта преступления, в таком составе, а также полное выяснение содержания и признаков этого поня-

* Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы.

М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. С. 258–269.

** Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: ТК Велби, 2004. С. 14.

тия, имеют важное значение для правильного установления основания уголовной ответственности, а значит, и для обеспечения законности и осуществления подлинного правосудия.

При соучастии преступники объединяют свои усилия, часто заранее распределяют между собой роли. Все это облегчает совершение преступления, позволяет идти на него с большей уверенностью и меньшим риском разоблачения. Это и делает такие преступления более опасными. Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Однако соучастие в преступлениях следует отличать от случаев совершения преступлений вследствие стечения действий нескольких лиц, хотя и направленных на один и тот же объект, но действующих отдельно друг от друга и не объединенных единым умыслом.

Существо соучастия известный русский ученый Н.С. Таганцев выразил следующим образом: «...к соучастию относятся лишь те совершенно своеобразные случаи стечения преступников, в коих является солидарная ответственность всех за каждого и каждого за всех; в силу этого условия учение о соучастии и получает значение самостоятельного института»*.

Проблеме соучастия в преступлении в УК РФ посвящена отдельная глава 7. Это вызвано тем, что преступное поведение нескольких лиц более общественно опасно, чем поведение одного субъекта.

В отечественной теории уголовного права, а также в уголовно-правовой литературе, проблема специального состава преступления затрагивалась частично и до сих пор какие-либо специальные исследования по данному вопросу не проводились.

Эффективная уголовно-правовая охрана специальных общественных отношений, а также наличие особого уголовно-правового статуса участников этих отношений — специальных субъектов, обуславливает необходимость конструирования специальных составов преступлений, имеющих специфические элементы: специальный объект посягательства, специальный субъект и порожденные этими обстоятельствами особенности других элементов — объективной и субъективной сторон таких составов преступлений.

Основные положения социально-правовой сущности специальных составов преступлений состоят в следующем:

* Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. I. С.329.

1. Традиционно специальные составы преступлений выделяются в рамках родового состава преступления. При этом учитывается однородность преступлений по объекту посягательства. В некоторых случаях родовым основным признаком выделяется субъект преступления. Это так называемые преступления со специальным субъектом.

При этом не учитывается то обстоятельство, что многие родовые (специальные) составы преступлений имеют в качестве общего признака одинаковую форму деяния (например, преступления, связанные с нарушением специальных правил поведения). В таких составах обнаруживается специфика признаков и субъективной стороны преступления.

В одних случаях специальные составы преступлений совпадают с родовыми составами (должностные, воинские и др.). В такие составы включаются ряд признаков, характеризующих определенный вид преступления. Причем эти признаки определяют содержание всех элементов подобных составов. Значит, все специальные составы — родовые. Однако не все родовые составы — специальные. В этом смысле специальный состав — это характеристика не конкретного преступления, а преступлений одного вида. Привлечение к уголовной ответственности за посягательство на специальный объект, квалификация преступления осуществляются на основе конкретного состава.

2. Характерной особенностью специального состава преступления является то, что его признаки детерминированы самой сущностью специальных отношений, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства.

Признак специального состава преступления можно определить как обобщенное юридически значимое свойство (качество), присущее всем преступлениям данного вида.

3. Главными показателями специального состава преступления являются:

а) Объектом специальных составов преступлений выступают социальные ценности, существование и деятельность которых регулируется специальным порядком, установленным особыми законодательными актами.

Вред специальным объектам причиняется или может быть причинен посредством нарушения специально установленного порядка поведения. В таких составах специальный объект всегда является основным. Если же в составе имеется и дополнительный объект, то посягательство на специальный объект возможно со стороны общих субъектов. В таких конструкциях составов пре-

ступлений причинение вреда общему объекту служит средством посягательства на специальный объект.

Разница состоит в механизме причинения вреда. Неспециальный субъект не может нарушить особый порядок поведения (посягательство «извне»). Воздействуя на элемент специального отношения, например, интерес личности, деяние неспециального субъекта может причинить вред специальным объектам. С учетом этого, некоторые специальные составы преступлений конструируются таким образом, что их субъектами могут быть и общие субъекты. Неспециальный субъект причиняет вред не объекту как системе, а элементу системы, образующей данный объект.

Важное значение имеет то обстоятельство, что посягательство «извне» на специальные объекты возможно лишь в двухобъектных специальных составах преступлений, т.е. в случае, когда хотя бы часть объективной стороны преступления может выполнить общий субъект. Это те случаи, когда дополнительным объектом преступления является общий объект, как правило, жизнь, здоровье, честь и достоинство личности.

Во всех случаях специальный субъект, посягая «изнутри», причиняет вред, как системе, специальному объекту. Посягательство «извне» такой способностью не обладает.

б) Субъектом преступления со специальным составом может быть участник данных отношений — специальный субъект. Неспециальные субъекты исполнителем (соисполнителем) таких преступлений быть не могут, поскольку на них специальные правила поведения не могут возлагаться.

в) Специальный состав преступления характеризуется специальной уголовной противоправностью. Это означает, что конкретный состав преступления может быть признан специальным лишь в том случае, когда он предусмотрен в соответствующем разделе (главе) Особенной части УК.

Иные преступления, совершаемые специальными субъектами и причиняющие ущерб специальным отношениям, участником которых он является, к числу специальных составов не относятся (это — специальные составы преступлений в широком смысле).

Такие деяния должны квалифицироваться по другим статьям УК, предусматривающим ответственность за посягательство на иные объекты.

Наличие специальной противоправности свидетельствует о том, что при совершении преступления со специальным составом нарушается не только уголовно-правовой запрет, но и требования специальных законодательных актов. В этом смысле законода-

тельные акты, регулирующие специальные правила поведения, должны относиться к источнику уголовного законодательства.

4. Важное теоретическое и практическое значение имеет то обстоятельство, что отдельные стороны специальной сферы отношений могут охраняться другими нормами уголовного закона. К специальным составам преступлений должны относиться лишь те, которые посягают на специальные объекты, как основные объекты, и в силу этого не охватываются нормами общих составов преступлений.

В действующем уголовном законодательстве России нет общего определения понятия специального субъекта преступления.

Однако уголовное законодательство предусматривает ответственность лиц, которые, помимо общих признаков субъекта (достижение определенного возраста и вменяемость), должны обладать дополнительными, указанными в законе, либо вытекающими из него, признаками. Многие составы преступлений по своему характеру таковы, что совершить их может только определенная категория лиц — так называемые специальные субъекты.

Понятие и признаки специального субъекта преступления разными исследователями определяются по-разному.

Так, В.С. Орлов в своих исследованиях пишет, что «существование в уголовном праве особого понятия — специальный субъект преступления обусловлено спецификой отдельных видов преступлений, совершение которых возможно только в связи с определенной деятельностью людей, в связи с выполнением возложенных на них законом определенных обязанностей»*.

Н.С. Лейкина и Н.П. Грабовская пишут, что «специальным субъектом называются субъекты, обладающие конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи»**.

Еще более полное и точное определение специального субъекта преступления раскрывает Р. Орымбаев. Он в своем исследовании приходит к выводу, что «специальный субъект должен быть определен как лицо, которое кроме необходимых признаков субъекта (вменяемость, достижение определенного возраста) должно обладать еще особыми дополнительными признаками, ограничивающими возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления»***.

* Орлов В.С. Субъект преступления. М.: Юрид. лит., 1958. С.138.

** Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Субъект преступления // В кн.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1. Л., 1968. С. 389.

*** Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата: Наука, 1977. С. 46.

ТОЛКАЧЕНКО О. (Публикуется представленный автором письменный текст):

Противодействие преступности: терминологический аспект

В современной криминологической литературе, в официальных документах и нормативных актах, посвященных противостоянию преступности, используются разнообразный понятийный аппарат, термины, заимствованные из различных областей научных знаний и призванные по возможности наиболее емко выражать в языковой форме сущность данной социально значимой деятельности.

Это и уголовная политика, и борьба (война) с преступностью (с ее концепциями и стратегиями), и контроль над преступностью, реагирование, воздействие на нее, противодействие преступности и т.п.*

Многообразие, неунифицированность и бессистемность терминов и понятий, применяемых для обозначения в целом одной и той же функции, создает определенные сложности, так как за каждым из них стоит разное содержание, и порой трудно уяснить смысл того, о чем идет речь в конкретном случае. Сложности отнюдь не формальные, а социально-правовые.

Разграничение различных терминов и понятий, обозначающих определенный вид деятельности, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, в особенности для нормотворчества, для организации работы по противостоянию преступности, разграничению компетенции субъектов, осуществляющих эту задачу, по устранению их смешения и дублирования их функций.

Право нуждается в таких языковых средствах, которые бы точно обозначали правовые понятия и грамотно выражали мысль законодателя, чем и объясняется интерес к языку права.

В этой связи понятийно-терминологический аспект юридической практики в сфере противодействия преступности приобретает важное научно-практическое значение: определив значение слов, мы избавим свет от половины его заблуждений (Р. Декарт)**.

* См., например: Бабаев М.М. Преступность // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н.Чумаков. М., 2003; Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных силах России. Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1997; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью, М., 2003; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997; Стратегия борьбы с преступностью в современных условиях. М., 1997, и др.

** Цит по: Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12

Какую бы цель ни ставили перед собой исследователи юридических текстов, все они сходятся во мнении, что язык права довольно специфичен и нуждается в улучшении.

Вместе с тем, в литературе справедливо отмечается, что в работах юристов недостаточно уделяется внимания способам улучшения языка законов, что внимание правоведов всех специальностей и специализаций к слову, к культуре должно быть постоянным*.

Особенно это важно для законодателей: для правоприменителя, для практики важно, чтобы они формулировали мысли точно и грамотно, в соответствии с нормами литературного языка, так как от правовой культуры (а одной из ее составных частей является культура речи) в определенной мере зависит формирование правосознания граждан. Для того, чтобы эффективно выполнять свои функции, законы должны быть безупречными как по содержанию, так и по форме.

Как и другие отрасли науки, юриспруденция оперирует определенными профессиональными терминами - словами и словосочетаниями, называющими специальные понятия. Для этого используется лексика различных стиливых пластов, от научного («истребование», «воспрепятствовать», «обременять» и «официально-делового» («сокрытие», «недопоставка») до разговорного («попрошайничество»); встречается и эмоционально окрашенная лексика (например, «пособник» имеет в словарях пометку «неодобр.»).

Стремлением к точному обозначению различных юридических понятий объясняются и активные словообразовательные процессы в языке юристов. Большинство созданных слов, например, «наказуемость», «дознание», «подсудный», «сонаниматели», «отчуждение», «правоспособность», дано в толковых словарях с пометой «юр.»; существительные «способствование», «поставление», «воспрепятствование», «неоказание» и причастие «управомоченные» в словарях не зарегистрированы вовсе.

Сказанное позволяет сделать вывод, что специфика языка права определяется необходимостью точно передать взаимосвязь юридических понятий и нюансов мысли законодателя.

В юриспруденции форма (в том числе языковая) по общему признанию является не просто выражением содержания, а его дальнейшим продолжением: «Форма существенна, сущность сформирована...»**.

*Ивакина Н. Русский язык российского права // Российская юстиция. 2000. № 7.

**Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 158.

Этим объясняется постоянный интерес к языку права и к его расширению*.

На правильность восприятия, доступность содержания уголовно-правовой терминологии существенно влияет прежде всего корректность использования терминов, их соответствие грамматико-стилистическим правилам и логическим закономерностям определения понятий.

В рамках обозначенной темы, значительной по содержанию и по форме, целесообразно выделить терминологический аспект содержания уголовной политики и противодействия преступности в России.

В самом общем виде политика означает деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями**.

В рамках государственной политики выделяются различные ее структурные компоненты, в том числе один из важнейших феноменов современной российской юридической жизни - правовая политика как комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права, как способ организации правовой жизни***.

Попутно заметим, что используемый в криминологической литературе термин «стратегия» первоначально заимствован из военной науки и имеет также значение искусства руководства общественной, политической борьбой, искусства планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах****.

Термин «концепция» понимается как основная точка зрения, руководящая идея, ведущий замысел, определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений***** , а «доктрина» — как система, руководящий теоретический или политический принцип*****.

*См., например: Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. 1973. № 9. С. 32.

**Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 553.

***Российская правовая политика: Курс лекции / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. III 77.

****Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 772.

*****Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С.Зенович. М., 2000. С. 312.

*****Там же С. 203-204.

Как видно, указанные понятия близки по смыслу, однако соотношение объема их содержания применительно к криминологической сфере и различным системам координат не одинаково, а потому заслуживает специального внимания.

Собственно термин «уголовная политика» также не является новым, поскольку был включен в научный оборот еще в начале XX века и использовался преимущественно в узком (прикладном), специальном уголовно-правовом смысле*.

Однако в начале 70-х годов XX века термин «уголовная политика» был реанимирован в современной интерпретации.

Под уголовной политикой на всех этапах ее современного развития понимается именно государственная политика борьбы с преступностью в целом. Об этом свидетельствуют и последние научные обобщения, основанные на системном, междисциплинарном и социологическом подходах, включающих, в том числе юридическую логику и теорию безопасности.

Согласно им уголовная (криминальная) политика — объективно существующее социально-правовое явление, связанное с осуществлением специальных мер противодействия преступности. Она проявляется в определенных формах (законодательной, правоохранительной и судебной).

В рамках уголовной политики выделяются ее направления: собственно уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, правоохранительная, уголовно-исполнительная, а также криминологическая и криминалистическая**.

Как видно, понятие «уголовная политика» в большей степени применимо к теоретическому (научному), доктринально-концептуальному уровню, в меньшей — к правоприменительному и не связывается исключительно лишь с уголовным законом.

В официальных документах, нормативных актах, в теории также используются термины «государственная политика борьбы с преступностью» и «государственно-правовая политика в области борьбы с преступностью».

Понятие «уголовно-правовая политика» структурно входит в содержание понятия «уголовная политика», однако охватывает только специальные уголовно-законодательные меры противодействия преступности, изучаемые исключительно уголовным правом.

* Например, работы С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, М.П. Чубинского и др.

** Тер-Акопов А.А. Уголовная политика. М., 1999; он же: Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998; он же: Юридическая логика. М., 2002.

Эти понятия как с точки зрения логической, так и лексико-семантической не противоречивы, а дополняют друг друга.

Термин «борьба с преступностью» широко применяется как в российском законодательстве (а также в официальных документах, научных трудах по криминологии, в оперативно-розыскной деятельности, в военно-правовых актах), так и в международных соглашениях универсального характера*.

Однако в последнее время данный термин небезосновательно стал предметом критики, поскольку все же означает только государственную деятельность, а в качестве субъектов такой борьбы предполагает исключительно правоохранительные органы**.

Как видно из международных конвенций, законодательных актов, официальных документов и научных работ, данный термин подразумевает разноплановую деятельность правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений, а также по их предупреждению. А борьба как вид деятельности возможна только со стороны государственных органов, наделенных соответствующими правоохранительными функциями в установленном порядке.

В ряде работ используется термин «контроль над преступностью», однако и он не в полной мере соответствует всему объемному содержанию правоохранительной деятельности.

Термин «противодействие преступности», в настоящее время уже легитимизированный в нормативных актах (например, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации), также неоднозначно воспринимается некоторыми учеными-криминологами. Но поскольку он официально используется в международных документах и российских нормативных актах, целесообразно определить сущность понятия «противодействие преступности».

В юриспруденции важная задача определения (дефиниции) как логической операции над понятиями заключается в том,

* Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп. 1995, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004 г.). Статья 8. Координация деятельности по борьбе с преступностью // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366; Положение о координации деятельности по борьбе с преступностью в Вооруженных силах и других войсках Российской Федерации // Приказ Генерального прокурора РФ от 10 сентября 1996 г.

** Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 318, 319; Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 38-41

чтобы раскрыть содержание этих понятий путем указания на основные, существенные признаки изучаемого предмета, которые отличают его от других общественных явлений*.

Понятие «противодействие преступности» довольно широко употребляется в нормативных правовых актах. Проанализировав их, можно констатировать, что данный термин не просто имеет право на существование, а отражает объективную реальность. Он является доминирующим, основным (и большим по объему) тогда, когда речь идет о широком социальном противостоянии преступности, об обеспечении ее снижения, уменьшения степени ее опасности, если в этой деятельности помимо правоохранительных органов принимают участие другие государственные и негосударственные органы, общественные организации и иные субъекты.

Противодействие включает в себя как пресечение подготавливаемых и совершаемых преступлений, так и адекватные меры реагирования на совершенные преступления, а также иные меры по предупреждению преступности.

Таким образом, следует полагать, что для обозначения многообразной деятельности, имеющей целью добиться снижения преступности, наиболее приемлемыми являются термины «борьба с преступностью» (как специально-государственная функция) и «противодействие преступности» (как общесоциальная, т.е. более широкая функция).

Их соотношение состоит в том, что борьбу с преступностью ведут правоохранительные органы, наделенные законными полномочиями на осуществление соответствующих мероприятий, четко регламентированных правовыми нормами. А противодействие преступности осуществляют также и не специализированные субъекты предупреждения правонарушений, которые не обладают правоохранительными функциями, а применяют иные меры, затрудняющие, препятствующие совершению преступлений.

Понятие «противодействие преступности» также взаимодействует с термином «предупреждение преступности».

Их сходство состоит в том, что при противодействии различные государственные органы и иные организации, осуществляя меры, затрудняющие, препятствующие совершению преступлений, способствуют тем самым уменьшению их количества, т.е. тем самым осуществляют их предупреждение.

*Васильев Л.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 86; Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. М., 2002. С. 30-33, 40-42 и др.

Их различие заключается в том, что при противодействии преступности речь идет не только о предупреждении преступлений, но и об опосредованном участии государственных органов, например, в пресечении, выявлении преступлений.

Еще большим по своему объему и выражающим активность социума в противостоянии преступности является понятие «воздействие на преступность» как сложное взаимодействие ряда элементов (объекта, субъекта, целей и мер воздействия). Целостная совокупность субъектов и мер (либо одного субъекта, оперирующего системой мер) образует систему, воздействующую на преступность*.

Понятийно-терминологический аспект современной уголовной политики заслуживает пристального внимания во всей разнообразной юридической деятельности: правотворческой, правоисполнительной, правоприменительной.

Таким образом, с учетом изложенного, можно сделать вывод, что для обозначения концептуального, доктринального содержания противодействия преступности наиболее объемным и потому предпочтительным представляется термин «стратегия воздействия на преступность», отражающий должное содержание отечественной уголовной политики.

Такая стратегия исходит из определенной уголовно-политической идеологии и предполагает наличие общей концепции, определение не только ближайших, но и отдаленных целей и способов их достижения, разнообразных мер различных субъектов антикриминального воздействия, пригодных для применения в различных, изменяющихся условиях.

Формирование научно обоснованной стратегии воздействия на преступность как системы социально-правовых мер разрушающего (антикриминального) воздействия на преступность - одна из насущных и реально выполнимых задач сегодняшнего дня как средство реализации конституционного приоритета защиты интересов личности.

*Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных силах России.

Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 5 и др.

Независимый экспертно-правовой совет
Общество попечителей пенитенциарных учреждений
и защиты гражданских прав человека
Российский государственный университет
нефти и газа им. И.М. Губкина

**Уголовно-правовые аспекты назначения наказания.
Защита прав осужденных**

**Материалы конференции
Москва, 7-8 апреля 2005 г.**

Н/к. Подписано в печать
с готового оригинал-макета 10.12.2005
Формат 60x90/60. Бумага офсетная. Гарнитура «Univers»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 500 экз.
Распространяется бесплатно.

Редактор серии Парамонов А.А.
Редактор Сокольская К.О.
Компьютерная верстка Мичурина В.П.

«Р. Валент»
(Издательская лицензия РЛ № 066590 от 18.05.1999. Госкомитет РФ по печати)
103062 Москва, ул. Покровка, д. 38а.